

ВНЕ
ЗАКОНА

Чингиз
Абдуллаев

Закон силы против
силы закона.

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Тень Ирода

«PEN-клуб»

1996

Абдуллаев Ч. А.

Тень Ирода / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 1996 — (Дронго)

Покушение на жизнь одного из лидеров российской политической оппозиции. Результат деятельности `ультраправых`? Теракт в вагоне метро. Очередная акция `чеченских мстителей`? Странно – что оба эти преступления совершены при помощи идентичных взрывчатых устройств. Странно – что чеченцы яростно отрицают свою причастность к взрыву. Агент Дронго начинает расследование – и быстро понимает, что таинственные убийцы все время идут на шаг впереди него, `убирая` всех, кто владеет хоть какой-то информацией по этому делу...

© Абдуллаев Ч. А., 1996

© PEN-клуб, 1996

Содержание

Часть I	5
1	5
2	9
3	14
4	18
5	21
6	25
7	28
8	32
9	36
Часть II	39
10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Чингиз Абдуллаев

Тень Ирода

Самая жестокая тиранья – та, которая выступает под сенью законности и под флагом справедливости.

Шарль Монтескье

Лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном.

Октавиан Август Цезарь

Часть I

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДРОНГО

Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят:

– Где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему.

Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним.

И собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу?

Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано чрез пророка:

«И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных; ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ мой Израиль».

Святое Благовествование от Матфея

Глава 2, 1—6

1

На презентацию съехался весь город. Здесь были известные политики, не менее известные деятели культуры, науки, искусства. Здесь были обычные нахлебники из журналистов, любившие посещать такие места, где можно вкусно и бесплатно поесть. Одна семейная пара приходила даже на такие презентации с большой сумкой и, по слухам, умудрялась наполнять сумку исключительно деликатесами и фруктами, расставленными на столах. Как всегда бывает на многолюдных и шумных сборищах, здесь присутствовало немало людей, которых никто не знал, но которые своим частым мельканием во встречах подобного рода служили уже обязательным атрибутом как необходимые предметы обихода.

На этот раз довольно большое оживление внесло предполагаемое участие в мероприятии лидера оппозиции. Судя по многочисленным опросам населения, он шел далеко впереди президента и мог вполне выиграть уже начавшуюся предвыборную гонку.

И хотя многих из присутствующих совсем не устраивал такой итог предвыборной гонки, тем не менее они с понятным нетерпением и оживлением ждали приезда важного гостя. В конце концов, этот неприятный для них тип вполне может выиграть президентские выборы, и тогда с ним не придется больше встречаться на презентациях подобного рода. Поэтому, несмотря на царившее вокруг оживление, все были достаточно напряжены. В большинстве

своем собравшиеся здесь люди уже давно и сильно надоели друг другу, и только необходимость поддержания своего реноме вынуждала многих из них принимать подобные приглашения.

Он стоял спиной к большинству присутствующих, по привычке держа в руках стакан с апельсиновым соком. Он никогда не любил крепких напитков, предпочитая изредка либо хорошее красное вино, либо шампанское. И теперь, разговаривая с болтливым редактором одной из столичных газет, он снова и снова спрашивал себя: правильно ли сделал, согласившись сегодня приехать сюда?

Он уже давно, почти год, не приезжал в Москву, так быстро и неузнаваемо менявшуюся буквально на глазах. Его, с одной стороны, всегда тянуло сюда: Москва была одним из самых любимых его городов. С другой стороны, риск ненужного узнавания был достаточно велик. Более чем велик. И он благоразумно отказывался прилетать в столицу России. И только теперь, спустя какое-то время, принял любезное приглашение главного редактора газеты и дал себя уговорить на участие в подобной презентации. С другой стороны, его отказ мог быть воспринят и с ненужным подозрением, и с явной обидой, когда приехавшего гостя даже не интересует столь колоритная личность лидера оппозиции, о котором писали практически все газеты и журналы мира. Он работал теперь заместителем редактора одного из журналов, издающихся на бескрайних просторах бывшего Советского Союза, и просто не имел права отказываться.

Именно поэтому он стоял теперь спиной к большинству говоривших и слушал многословный понос главного редактора, так любившего порассуждать на тему о морали в политике и считавшего себя в этом вопросе одним из главных специалистов. Главный редактор даже не очень обращал внимание на то обстоятельство, что его собеседник практически не участвует в беседе, отделяваясь односложными ответами. Его несло дальше. А собеседник, стоявший рядом с ним, иногда посматривал на расположенный справа вход, чтобы достойно улизнуть, как только появится лидер оппозиции и все внимание будет приковано к нему.

Он не услышал, а почувствовал, что к ним кто-то подходит. И это предчувствие не обещало ничего хорошего. Лицо главного редактора мгновенно переменялось. Из-за спины своего собеседника он увидел подходившего. Вместо столь привычной для главного редактора маски наставника-ментора на лице этого провинциального актера появилось некое подобие подобострастия. И, вытянув шею, уже не обращая внимания на своего собеседника, он ласково пропел:

– Евгений Максимович, здравствуйте!

Его собеседник, не изменившись в лице, медленно повернулся. Достаточно медленно, чтобы не выдать своего волнения.

Подошедший к ним министр иностранных дел России протянул свою короткую руку. Главному редактору он просто позволил пожать ее, а вот на его собеседника он посмотрел слишком внимательно, настолько, чтобы тот понял: интерес министра предельно персонифицирован.

– Примаков, – сказал он.

– Вы могли бы не представляться, вас знает весь мир, – попытался пошутить главный редактор, назвав фамилию стоявшего рядом с ним человека.

– Да, наверное, – обрюзгший, постаревший министр внимательно посмотрел на собеседника главного редактора. И вдруг спросил непосредственно у него: – Как, вы сказали, ваша фамилия?

Он повторил.

– Может быть, – непонятно почему сказал Примаков. – Вы никогда не бывали в Таиланде или в Индонезии?

– Нет, – он почувствовал, что именно сейчас скажет министр, и поэтому внутренне напрягся.

– Странно. Я думал, что видел вас там. У меня был один знакомый, любитель птиц. – Примаков говорил, глядя ему в глаза, снизу вверх. И в глазах министра не было сомнения в том, что он узнал стоявшего перед ним человека.

– Сейчас многие увлекаются экзотическими птицами, – он старался смотреть в тяжелые глаза министра, понимая, что уже уязвим. Министр узнал его.

– Правильно, – глухо подтвердил министр. – Собирают разных птиц – фламинго, цапель, филинов и дронго.

– Что вы сказали? – оживился главный редактор. – О последней птице я не слышал никогда.

– Зато я много слышал, – сказал Примаков. – Я думал, такая птица уже не водится в наших краях.

– Очевидно, это бывают редкие, случайно залетевшие в эти края птицы, – говоривший эти слова продолжал смотреть министру прямо в глаза.

Примаков снова вздохнул. Он только несколько месяцев назад стал министром иностранных дел страны. До этого он целых пять лет возглавлял самую секретную службу России – Службу внешней разведки. А так как его связи с предшественником СВР – Комитетом государственной безопасности – еще в советские времена ни для кого не были секретом, все знали, что академик-разведчик слишком хорошо осведомлен. И многое знает.

– Вы думаете, что мы с вами не виделись? – спросил министр напоследок, словно пытаясь проверить в последний раз. – Может, где-нибудь в другом месте?

– Нет, – твердо ответил он, – я думаю, вы ошиблись.

– Может быть. – Министр отошел от них, словно потеряв всякий интерес. А главный редактор после секундного замешательства улыбнулся:

– Старее наш «примус». Уже людей забывать стал.

Его собеседник молчал. Он смотрел в ту сторону, куда ушел министр. В этот момент в зале наступило волнение. Объявили, что подъехал автомобиль. Сейчас на презентации должен появиться лидер оппозиции. Его не любили, и очень многие демонстративно отошли от дверей, чтобы не здороваться с приехавшим. Справедливости ради стоит отметить, что президента любили еще меньше, но многие из деятелей культуры, собравшихся здесь, искренне полагали, что «хрен редьки не слаще». И собирались голосовать на выборах за прежнего президента, полагая, что новый лидер принесет с собой новую волну перемен и революций.

Официанты разносили на подносах шампанское, когда раздался страшный взрыв. Мигнуло электричество, взрывной волной выбило сразу несколько окон. Послышались истерические женские крики, звон разбитой посуды. И мгновенная тишина. Пришедшие в себя люди испуганно оглядывались, пытаясь понять, что именно произошло.

– Убили! Убили! – громко закричал кто-то с улицы. И все бросились к выходу, еще не осознавая, что произошло. На улице стоял развороченный автомобиль лидера оппозиции. Давя друг друга, случайные прохожие смотрели, как из машины пытаются вытащить трупы погибших.

– Он сам здесь? Здесь? – истерически кричали собравшиеся.

– Нет! – крикнул кто-то в ответ. – Он не приехал! Погиб его секретарь, который привез приветствие. И его водитель с охранником.

Министр иностранных дел, вышедший вместе со всеми, нахмурился и повернулся, ища глазами человека, которого только что видел на презентации. Найдя главного редактора, он подошел к нему.

– А где ваш напарник? – спросил министр.

– Не знаю, – удивился главный редактор, – куда-то исчез. А почему вы спрашиваете? Он вам нужен?

– Нет, – ответил министр, – возможно, я действительно ошибся. Мне показалось, что я видел его раньше. Иногда так бывает.

– Что вы думаете об этом преступлении? – вспомнил наконец о своем основном ремесле главный редактор. – Как вы можете оценить этот террористический акт? – Он уже представлял заголовки в своей газете.

– Я всегда против любых террористических актов, – туманно ответил министр и, повернувшись, зашагал к своей машине, стоявшей недалеко от места взрыва. Там уже сустились водитель и помощник министра.

– С вами все в порядке? – кинулся к нему помощник.

– Да!

Министр сел в машину и поднял трубку телефона, набирая номер своего бывшего первого заместителя, ставшего теперь вместо него руководителем Службы внешней разведки.

– Добрый вечер. Извините, что так поздно беспокою, – сказал министр. – Только что была попытка покушения на лидера оппозиции. Он остался жив. Мне нужны срочные сведения по одному человеку. Очень срочные! Кажется, я видел живого Дронго.

– Этого не может быть, – убежденно ответил генерал. – Он погиб в прошлом году.

– Я видел его и даже разговаривал с ним.

– Вы думаете, это он? – В голосе говорившего чувствовалась тревога. – Объявился таким образом?

– Нет, я думаю, это совпадение. Просто он случайно оказался рядом. Дронго никогда не был террористом. Кроме того, я всегда помню, что мне сказал о нем Шебаршин, сдавая дела. Он сказал, что этот человек никогда не ошибается. Его мозг работает, как хорошо отлаженный компьютер. А покушение не удалось. Нет, он не замешан в этом деле. Но мне все равно нужны документы по его операциям. Абсолютно все, – еще раз подчеркнул министр.

2

Сидевший за столом в светлом просторном кабинете читал газеты. Сообщения были похожи одно на другое. Все газеты сообщали о неудачном покушении на лидера оппозиции. Как всегда, ругали ФСБ, МВД, президента, премьера – всех, кто отвечал за правопорядок в стране. Снова говорили о беспомощности правоохранительных органов, вспоминали нераскрытые преступления, издевались над следователями, не имеющими никаких результатов.

Он раздраженно убрал газеты. Можно было прочитать одну, чтобы понять, о чем пишут все остальные. Взял карандаш и постучал им по столу. После чего нажал кнопку селекторного аппарата, расположенного слева от него.

– Славина ко мне, – попросил он своего секретаря.

Через пять минут в кабинет вошел подтянутый, выше среднего роста голубоглазый блондин лет тридцати – тридцати пяти, одетый в хорошо сшитый светлый костюм.

– Вызывали? – спросил он.

– Читали? – вместо ответа показал на ворох газет хозяин кабинета.

– Да, – сказал вошедший. – Я в курсе происходящего.

– И что вы думаете?

– Журналисты получили хороший материал, чтобы потрепать нам нервы.

– Это все, что вы можете сказать? – явно разозлился хозяин кабинета. – Садитесь.

Славин прошел к столу говорившего и сел напротив него.

– Это покушение на убийство – самая настоящая политическая акция, – строго заметил хозяин кабинета. – Надеюсь, это вы понимаете?

– Конечно, понимаю.

– Мы решили создать специальную группу для расследования происшествия. Прокуратура и МВД ведут свое параллельное расследование, но на них нам рассчитывать нельзя. Мы обязаны провести собственное расследование, доказав, что не зря восстановили следственное управление в нашем ведомстве. Но до того как следователи примут это дело к своему производству, я думаю, будет правильно, если поработает ваша группа. В конце концов, вы должны показать, как нужно работать.

Славин молчал, ожидая следующего вопроса, который сразу же последовал:

– Сколько человек в вашей группе?

– Сейчас пятеро. Вы ведь знаете, мы провели реорганизацию и решили ограничиться этим числом. Пятеро. По-моему, вполне достаточно.

– По-моему, тоже. Начните самостоятельное расследование и попытайтесь установить, кто стоял за этим преступлением. Какие силы, кому это выгодно? Сейчас, перед президентскими выборами, может произойти любая неожиданность. Мы должны все предвидеть. Вы меня понимаете?

– Конечно, – поднялся Славин. – Мы сегодня начнем расследование этого взрыва.

– Если хотите, я могу позвонить министру МВД, чтобы вас ознакомили с первично собранным материалом.

– Думаю, в этом нет необходимости, – улыбнулся Славин. – Вы ведь правильно сказали, что мы будем лишь дублировать работу друг друга. Я думаю, будет гораздо лучше, если они не будут знать о нашем самостоятельном расследовании.

– Вам вообще не нужны их материалы?

– Конечно, нужны. Но я поговорю с нашими следователями, уже работающими совместно со специалистами из МВД. Ребята будут знать все гораздо лучше.

Хозяин кабинета кивнул, разрешая уйти своему сотруднику. Потом, подумав, взял трубку с большим гербом на телефоне, набрал четыре цифры и коротко сказал:

- Я поручил своим людям провести самостоятельное расследование.
- Они справятся? – спросил голос из трубки.
- Группа новая, но ребята перспективные.
- Хорошо, видимо, это правильно.
- Что? – не понял звонивший.
- Правильно, говорю, все правильно.

Славин вышел из приемной и, пройдя к лифту, спустился вниз, чтобы выйти из здания. По дороге он зашел в одну из комнат, позвонил в другое здание, где располагались его помощники. Сотрудники его группы никогда не заходили в это основное здание бывшего Комитета государственной безопасности, расположенное в центре города, рядом с «Детским миром». Многие не знали, что в этом здании, являвшемся для всего мира олицетворением тоталитаризма и несокрушимости режима, были расположены лишь вспомогательные отделы. Слева от основного входа, например, располагалась пресс-служба, которой ранее в организации, именуемой КГБ, не было.

Славин получил звание «подполковник» лишь три месяца тому назад, когда его группа отличилась на Северном Кавказе, сумев арестовать одного из лидеров преступной группировки, за которым МВД и ФСБ охотились почти полтора года. Сотрудники Славина в основном были еще моложе своего руководителя и являли собой новую генерацию контрразведчиков – талантливых, любознательных, знакомых с компьютерами, имеющих прекрасное образование.

Группа была сформирована всего полгода назад, но, несмотря на это, на ее счету было уже несколько серьезных дел, причем три из четырех порученных группе расследования были проведены в довольно быстрые сроки и неизменно с положительным результатом.

Подполковник Славин не работал в «Альфе». Ему шел тридцать шестой год. Четырнадцать из них он провел в контрразведке, после того, как, окончив с отличием МГИМО, получил направление во Второе главное управление КГБ СССР. С тех пор он и работал в контрразведке. В восемьдесят девятом году ему повезло. Он был отправлен работать в Ленинград и избежал знаменитых «бакатинских» чисток, когда после августовских событий и ареста генерала Крючкова многие офицеры и генералы посчитали невозможным для себя оставаться на службе, а еще многие тысячи были уволены пришедшим в КГБ «прорабом» Бакатиным. Только в конце девяносто пятого, когда новый руководитель контрразведки за три месяца получил два новых звания и маршальский жезл, о Славине наконец вспомнили и перевели в Москву. Он неплохо проявил себя в Санкт-Петербурге, и именно ему решили поручить возглавить новую группу. Семья его осталась в северной столице, так как приобрести новую квартиру было невозможно и нереально.

А получаемой зарплаты, даже с учетом всех надбавок, хватало лишь на редкие поездки в Санкт-Петербург и помощь семье, состоявшей из жены и сына. Правда, начальство твердо обещало, что сумеет к концу года выбить одну квартиру, для него. И подполковник терпеливо ждал, когда наконец обретет жилье в столице. А пока он жил в ведомственной гостинице бывшего КГБ, снимая маленький одноместный номер без кухни и питаясь урывками, кое-где и кое-как.

Выйдя из здания, Славин заторопился к стоянке автомобилей, где стояла его «девятка». Машина была служебная, хотя на ней стоял номер, указывающий на ее принадлежность частному лицу. Славин сел в автомобиль и выехал на проспект. По дороге он успел заехать в небольшое кафе и выпить чашку кофе.

Его группа была сформирована после оглушительного провала ФСБ и МВД с освобождением заложников в селе Первомайском. Объявив о победе и освобождении заложников, правоохранительные органы и руководители силовых министерств попытались скрыть от всего мира тот факт, что ни один из заложников не был расстрелян боевиками, а многие погибли во время обстрелов и штурма села. Что касается самих боевиков, то они хотя и понесли большие потери,

но смогли уйти из села, уведя с собой заложников. Ни командир отряда, ни основные помощники командира не пострадали во время этой операции, объявленной победой. Но дотошные журналисты все узнали и опозорили «силовиков» на весь мир. Именно тогда было принято решение о формировании специальной группы, которая должна заниматься индивидуальным поиском и наказанием наиболее опасных преступников.

Кроме самого Славина, в группу входили майор Ордовский, капитаны Агаев и Светлова, старший лейтенант Виноградов. Ордовский был черкесом, а Агаев лезгином, что очень облегчало действия группы в районах Северного Кавказа, где приходилось часто действовать на грани фола. Славин не знал раньше ни Ордовского, ни Агаева, но успел оценить их профессионализм и высокую выучку. Из членов своей группы он знал лишь молодого двадцатисемилетнего Виноградова, взяв его с собой из Санкт-Петербурга, где парень успел здорово поработать в аналитическом отделе городского отделения ФСБ, блестяще разбираясь в компьютерах и компьютерных программах, здесь для него не было никаких секретов. Против последнего члена группы – Инны Светловой – подполковник возражал особенно яростно, доказывая, что женщине в его группе будет сложно работать. Но послужной список капитана Светловой произвел впечатление даже на него, и в конце концов он все же взял молодую женщину. И ни разу не пожалел о своем выборе.

Теперь, возвращаясь на работу, он думал о том задании, которое только что получил. Славин понимал, что поиск убийцы, и без того сложный в условиях разгула преступных элементов, будет значительно осложнен надвигающимися выборами президента. Лидер оппозиции, чудом избежавший покушения и случайно не оказавшийся в машине, уже заявил, что это политическое покушение со стороны его конкурентов, и устроил небывало пышные похороны своему помощнику, водителю и телохранителю, погибшим в ту роковую ночь.

Подъехав к зданию, Славин обратил внимание на стоявший автомобиль. Это была серая «Ауди» Агаева. Видимо, сигнал о сборе группы они уже получили. Он вошел в подъезд, привычно показывая служебное удостоверение сотруднику, который долго и внимательно его изучал. И хотя дежурный знал Славина в лицо, тем не менее приказ о повышении бдительности был доведен до всего состава ФСБ, и в преддверии выборов охрана административных помещений была усилена.

Он прошел по коридору, вошел в свой кабинет. Там уже были все его сотрудники. Почти у двери стоял Гамза Агаев. Увидев Славина, он улыбнулся, протягивая руку. Гамза в молодости был борцом, о чем можно было догадаться по его лопатообразной руке и широким плечам.

За столом сидели Светлова и Виноградов. В этом крыле здания они занимали одну общую комнату. У них заканчивался ремонт, и их должны были перевести в новые кабинеты со дня на день. При этом они уже знали, что Славин получит отдельный кабинет, а остальные четверо офицеров будут сидеть по двое в смежных комнатах. Ордовский стоял у окна. Увидев вошедшего подполковника, он кивнул. Славин прошел к своему столу, сел, чуть опустил узел галстука.

– У нас новое задание, – серьезно начал Славин. – Нам поручено расследование покушения на лидера оппозиции.

– Ничего себе задание! – свистнул Виноградов. – Я думал, мы будем заниматься только уголовниками.

– Политика – дело грязное, – сказал Агаев. – Это всегда неприятно.

– Нам поручили, – напомнил Славин, – значит, будем заниматься этим делом.

Все промолчали.

– Мы будем вести параллельное расследование, поэтому никаких сведений из МВД не получим. Хотя я не думаю, что у них есть какие-то новые сведения, кроме тех, о которых мы все могли прочесть в газетах. Светлову прошу поехать сегодня на пресс-конференцию,

которую будет давать от имени лидера оппозиции его пресс-атташе. Ордовскому проверить все в милиции. Можешь появиться там от нашей пресс-службы.

– У меня еще осталось старое удостоверение, – кивнул Ордовский, часто работавший под этой «крышей». – Там ребят много знакомых, все узнаю.

– Дима, ты сядь за свои компьютеры, – приказал Виноградов подполковник. – Выжми из них все, что можно узнать о самом лидере. И особенно о троих погибших. Потом поезжай на место происшествия, посмотри там все, начерти схему, где была их машина в момент покушения, куда был направлен взрыв. Порасспрашивай людей. Побывай в их штаб-квартире как журналист, ведущий свое собственное расследование. Кто отправлял приглашение, кто получал – в общем, все, как обычно.

– Понятно, – кивнул Виноградов.

– Гамза, у тебя самая сложная задача. Поезжай в гараж, откуда вышла машина. У них там свой гараж должен быть. Или стоянка. Узнай, как охраняются машины, кто мог к ним подойти, кто обычно заправлял бензином, кто осматривал машины перед выездом. Судя по взрыву, бомбу вполне могли положить в саму машину, а потом взорвать у здания банка, чтобы все думали об обычном покушении. Хотя эксперты сейчас все версии отработывают, но нам нужно знать все раньше экспертов. Гораздо раньше.

Агаев молчал, слушал. Внешне он никогда ничем не выражал своих эмоций.

– Всем ясна задача? – спросил в заключение подполковник.

Сотрудники молчали. Только майор Ордовский вдруг спросил:

– Вы думаете, мы сумеем найти заказчиков этого преступления?

Славин не ответил. Молчание грозило затянуться. И он наконец признался:

– Пока нам нужно найти хотя бы исполнителей. А там увидим, что будет дальше. Заказчиками такого преступления могут быть очень многие, от самого лидера оппозиции, которому нужна такая самореклама и который решил пожертвовать своими помощниками, до боевиков, не заинтересованных в приходе к власти нового сильного лидера, который должен будет доказывать свою жестокую волю на деле. Поэтому не будем пока гадать. Начнем искать конкретных исполнителей этого взрыва.

– У нас в запасе всего несколько недель, – заметила Светлова. – Вы думаете, за это время можно сделать что-нибудь конкретное?

– С такими настроениями лучше вообще не начинать расследование, – нахмурившись, строго заметил Славин. – Конечно, будет трудно. Но мы обязаны делать свою работу. Кто бы ни победил на выборах, это нас не касается.

Он понимал опасения Светловой. За последние несколько лет в столице произошло около сотни нашумевших преступлений. Убивали банкиров, предпринимателей, бизнесменов, журналистов. И почти никогда не находили не только заказчиков преступлений, но даже конкретных исполнителей подобных криминальных разборок. Убивали и депутатов Государственной Думы, но все проверки устанавливали, что и в этих случаях шли обычные уголовные разборы. А вот покушение на лидера оппозиции, совершенное перед выборами, было явно политическим преступлением. И в таком случае оставалась надежда на более успешное раскрытие этого покушения.

– Я постараюсь выжать из наших следователей все, что они знают, – сказал Славин. – Они будут принимать это дело у дознавателей МВД. Прокуратура взяла расследование под свой контроль, но не думаю, что у них уже есть какие-нибудь данные.

Раздался телефонный звонок. Славин поднял трубку. Видимо, сообщение было настолько неприятным, что он нахмурился. Затем коротко сказал: «Все ясно» – и повесил трубку. Сотрудники молчали. Он посмотрел на членов своей группы и сказал:

– Час назад был устроен взрыв в метро. Есть погибшие. По предварительному заключению экспертов, в этом случае использовалось взрывное устройство, аналогичное тому, которое применено при покушении на лидера оппозиции.

Все ошеломленно молчали.

– Вечером по телевизору будет выступать президент, – сообщил Славин. – Нам приказано бросить все другие дела и заниматься поиском преступников. Думаю, теперь, кроме нас, этим будет заниматься вся страна. Я еду на место взрыва.

3

На станции метро обычная неразбериха, которая бывает при неожиданных стихийных катастрофах. Множество руководителей давали указания, как очищать завалы, что убирать в первую очередь и какую технику подводить. Еще большее число зевак увлеченно рассказывали о случившемся, педалируя то обстоятельство, что они вышли из метро за секунду до взрыва. Если суммировать все слухи, циркулировавшие в городе, то получалось, что общее количество людей, находившихся на этой станции, было гораздо больше числа всех пассажиров, побывавших в этот день в Московском метрополитене.

Выделялась плотная фигура мэра, единственного человека, который мог наводить относительный порядок в этой общей неразберихе. Общие итоги взрыва были плачевны – одиннадцать убитых и больше сорока раненых. Среди людей слышались выкрики в адрес чеченцев, многие считали, что именно они начали ту политику терроризма, о которой сами предупреждали.

Славин прошел к месту происшествия, с трудом протискиваясь сквозь толпу, так живо интересующуюся всеми подробностями. В этой неестественной тяге к наблюдению за людскими страданиями было нечто порочное и глубоко безнравственное. Славин знал такую категорию людей. Как тысячи лет назад толпа люмпенов получала наибольшее удовольствие от страдания гладиаторов и пленных рабов, оказавшихся в еще худшем положении, чем сами зрители, так и теперь, спустя столько лет, люди, не изменившиеся в своей порочности, с живым интересом и какой-то радостью наблюдали за раскопками. Так было и три года назад, когда по приказу нынешнего президента и его окружения на улицы города были выведены танки, расстрелявшие здание парламента, а городские «стражи порядка» добросовестно отбивали внутренности у случайно попавшихся под руку прохожих. Но и тогда тысячи зевак выходили на улицы любоваться кровавым зрелищем схватки, получая от этого непонятное удовольствие.

Славин подошел к находившемуся здесь заместителю начальника Московского управления ФСБ полковнику Тяжлову. Он давно знал Олега Константиновича и теперь, подойдя к нему, спросил:

– Там, внизу, кто-нибудь остался?

– Говорят, еще несколько человек. Будем откапывать, – ответил полковник. – А ты чего приехал? Ваших ребят тоже решили подключить?

– У нас свои вопросы, – уклончиво ответил Славин.

– Ну-ну, – добродушно улыбнулся Тяжлов, – только учти, что сейчас ожидается приезд президента. Ребята из охраны уже начали оцеплять площадь.

– Какой характер взрыва? – спросил Славин. – Можно определить хотя бы предварительно, где взорвалась бомба?

– В вагоне, конечно. И надо же, такая неудача. Вагон стоял прямо на станции. Кто-то мог положить взрывное устройство под сиденье. Пока эксперты никаких заключений не дали.

– Могла быть радиоуправляемая мина?

– Ты чего меня спрашиваешь? Откуда я знаю! Конечно, могла. Некоторые эксперты так и говорят, что была управляемой. Но я не знаю. Это каким же подлецом нужно быть, чтобы кнопку нажать!

Славин нахмурился и отошел от Тяжлова. Здесь больше нечего было делать. По-прежнему слышались крики людей, царил лихорадочное волнение.

В таком настроении он приехал обратно на работу. Зашел к Виноградову.

– Что-нибудь есть новенькое?

Старший лейтенант сидел за компьютерами.

– Работаю. Интересная личность, между прочим, этот лидер оппозиции. Смотрю его биографию.

– Ты лучше биографии погибших смотри, – посоветовал Славин. – Нам важно, кто из них мог знать, когда и на какой машине поедет их шеф. И кто принимал решение по этому поводу.

Вечером, сидя в своем кабинете, он включил телевизор. Выступал президент.

– Это преступление, совершенное накануне выборов, не просто вызов нашим правоохранительным органам, – читал он по бумаге, – это вызов всем нам, нашему обществу. Это проверка того, как мы можем справиться с бандитами. Взрыв еще раз подтвердил, что урегулирование в Чечне возможно только на условиях полного уничтожения бандитов. И мы обязательно найдем виновных в подобной варварской акции и строго накажем их. Процесс мирного урегулирования в Чечне все равно остановить невозможно, – с пафосом закончил глава государства.

Дослушав президента, Славин выключил телевизор. Зачем чеченцам устраивать такой взрыв на станции метро? Переговорный процесс там уже идет, а подобная тактика только вызывает к ним ненависть всего населения. И очень сильно ударит по международному имиджу самих чеченцев. Да и покушение на лидера оппозиции не укладывается в эти рамки. Ну президента они еще могут не любить, а при чем тут лидер оппозиции? Или потому, что он обещал быстро покончить с чеченской войной, его решили убрать? Нет, так не пойдет.

На следующий день он собрал свою группу. По их несколько скованным лицам он понял, что особых результатов ни у кого нет. Но он и не рассчитывал на быстрый результат. Первым докладывал майор Ордовский.

Вчера весь день он провел в милиции. Сначала в районном управлении внутренних дел, потом ездил в городское управление. Остаться незамеченным ему не удалось. Колоритная фигура Ордовского и его красивые усы быстро запоминались. Ребята узнавали майора и охотно делились с ним последними данными по этим двум взрывам.

Дело по первому взрыву должен был вести следователь прокуратуры Константин Букалов. Но затем решено было, что к нему подключится и следователь по особо важным делам прокуратуры республики Михаил Воробьев, который и возглавил всю следственную группу. В нее вошли представители ФСБ, милиции и прокуратуры. И хотя эксперты пока спорили о характере второго взрыва, тем не менее руководство прокуратуры и МВД уже решило объединить оба уголовных дела в одно.

Славин удовлетворенно кивнул. Он знал Михаила Никифоровича Воробьева, одного из лучших следователей ФСБ. Впрочем, у следователей своя работа, а у них – своя. Воробьев не должен догадываться, что они проводят параллельное расследование. Его задача расследовать уголовное дело и, найдя виновных, передать их дело в суд. Задача группы Славина была несколько другой. Им предстояло ответить на главный вопрос – кому выгодны эти преступления? Кто мог решиться на подобное безумство?

Ордовский подробно рассказывал о составе следственной группы, о принятых мерах по идентификации взрывных устройств. Больше никаких данных у него не было. Впрочем, ими не располагала и следственная группа.

Вторым докладывал Агаев. Он подробно рассказал о гараже, где успел побывать, о характере и типах машин. Отметил, что до него там уже побывали сотрудники Воробьева, проведя тщательный допрос каждого из работников. В конце сообщил, что решение о выезде обычно принимал начальник гаража, который в настоящее время арестован и дает показания группе Воробьева.

– Все козыри у Воробьева, – пошутил Славин. – Так мы останемся ни с чем.

Следующей докладывала капитан Светлова. Она побывала на пресс-конференции, которую давал лидер оппозиции. Традиционные обвинения в адрес власти, набор штампованных фраз, длинные рассуждения о неспособности властей справиться с преступностью и в конце –

прямое обвинение нынешнего руководства страны в пособничестве бандитам. И ничего конкретного.

Последним рассказывал Виноградов. В банке заранее был приготовлен список гостей, куда был включен и лидер оппозиции. Об этом знали многие. Но никто конкретно не был уверен, что приедут именно те гости, которым отправляли приглашение. Презентации проходили часто, и на них, как правило, число приглашенных всегда бывало гораздо больше, чем количество реально участвующих людей. В соотношении один к двум.

– Итак, – подвел итог Славин, – за весь вчерашний день мы ничего не добились. Плохо. Никаких результатов. Может, мне позвонить Воробьеву и попроситься в его помощники? Так я буду быстрее узнавать некоторые новости. Вы не находите, что мы плохо работаем?

Сотрудники молчали.

– У нас трудная задача, – подал наконец голос Ордовский. – Мы должны вести параллельное расследование, а заодно сделать так, чтобы о нас ничего не узнали. Это же достаточно сложно.

– Не обязательно кричать на весь мир о своем существовании, – строго заметил Славин. – У нас в корне неправильный подход. Мы копируем работу группы Воробьева, пытаемся идти по их следам... Давайте немного изменим условия игры, постараемся идти не за ними, а параллельным курсом. Они и без нас узнают, каким образом машина выехала из гаража и кто именно относил пригласительные билеты. Нам нужно попытаться выяснить все обстоятельства, сопутствующие этому преступлению. Мы ведь не следователи, а особая антитеррористическая группа. И наша задача искать не конкретных «шестерок», нажимающих на кнопки, а их заказчиков.

– Если не найдем «шестерок», то не найдем и заказчиков, – заметил Ордовский.

– Правильно. Но способ решения проблемы может быть различный. Давайте начнем расследование не с момента первого взрыва, а гораздо раньше. Понимаете, что я имею в виду? Нужно проанализировать все более или менее значительные события, происшедшие за несколько предыдущих дней перед взрывом. Пресса, мнения, настроения, общая оценка.

– Получится хороший анализ недели. Можно будет выступать в «Итогах» по НТВ у Киселева, – засмеялся Виноградов.

– Вот ты и выступишь, – оборвал его Славин. – Садись за анализ прямо сегодня. Важно разработать концепцию расследования преступления. Не заниматься конкретным поиском виноватых, – снова повторил подполковник. – Будем считать, что мы лишь проводим анализ данного преступления, пытаясь понять социальные мотивы случившегося.

Посмотрите, что у нас есть. Два разных взрыва. Один против лидера оппозиции, один в метро. Значит, убийство не конкретное. Понимаете, о чем я говорю? Не направлено именно на этого человека или на группу людей. Должен быть социальный заказ на подобные преступления.

Зачем чеченцам устраивать подобные взрывы? Какая цель? Запугать людей? Не получается. Тогда почему нужно убивать именно лидера оппозиции? Посеять панику. Для чего? Требование независимости Чечни? Тоже нет. Они бы заявили о своей причастности к этому террористическому акту.

– Взрывы одинаковы, а мотивация получается разная, – задумчиво сказал Агаев.

– Группа Воробьева, – продолжал Славин, – занимается чисто уголовным расследованием этого преступления. И мы все равно будем «вечно вторыми», наступая им на пятки, пытаясь узнать те крохи информации, которые они добывают. А вот если мы пойдем тем самым параллельным путем, о котором я вам сказал, у нас могут появиться шансы.

– И какой другой подход вы нам предлагаете? – спросила Светлова. – Мне кажется, мы всегда искали конкретных виновников того или иного преступления. А наши субъективные мнения можно смело не принимать в расчет.

– Давайте проверим. Ордовский, как вы считаете, это могли сделать чеченцы?

– Нет! – решительно возразил майор. – Зачем им убивать невинных людей? Еще первый взрыв я бы понял. А второй...

– Гамза, а вы как считаете? – спросил капитана Славин.

– Женщин и детей? Нет. Может, и есть среди них какой-нибудь мерзавец, но такой взрыв устраивать! Нет, они бы не стали.

– Светлова...

– Не знаю, – пожала плечами женщина, – но я тоже считаю, что маловероятно.

– Виноградов...

– Возможно, какая-нибудь банда или уголовники, но, в принципе, зачем им это нужно? Они ведь должны понимать, что за этим последует.

– Вот видите, – подвел итог подполковник, – мы имеем какой-то результат. Если субъективные мнения пяти человек совпадают, то это уже какой-то объективный результат. Вы меня понимаете? Это уже факт. И, опираясь на этот факт, нам нужно вести расследование. Мы могли бы точнее установить, кому это выгодно, выйдя на определенные контакты. У майора Ордовского, по-моему, есть определенные возможности.

– Вы хотите сказать, что нам нужно выйти на криминальные структуры? – первым понял Виноградов.

– Конечно. И не только выйти. Связаться с ними и объяснить им всю сложность ситуации. Я думаю, уже сегодня милиция начнет операцию против всех чеченцев, живущих в Москве. Вы понимаете, как быстро нам нужно действовать?

4

Президент несколько раз ударил кулаком по столу. Он был не просто рассержен – он был в ярости.

– Как это могло получиться? – требовательно спрашивал президент. – Вы не понимаете, как это важно! Столько людей погибло! Куда смотрели наши правоохранительные органы, наши генералы?

Сидевшие перед ним люди молчали. Никто не решался возражать.

– И это перед самыми выборами! – возмущался президент. – Сначала, понимаешь, на одного из лидеров оппозиции покушение устроили, потом этот взрыв в метро. До каких пор, я вас спрашиваю, это будет продолжаться?

Генералы понимали, что в таком состоянии лучше не оправдываться. Премьер-министр, сидевший справа от президента, так же строго смотрел на них, словно пытаясь понять, как такое могло случиться.

– Что молчите? – загремел президент. – Я сегодня утром снял с работы начальника московского УВД и прокурора Москвы. Если так дальше пойдет, мне, видимо, и с вами расстаться придется. Что это такое? Как вы могли такое допустить, понимаешь?

Первым решился заговорить министр внутренних дел.

– Сейчас мы проводим оперативные мероприятия. Пока нет никаких убедительных доводов в пользу того, что этот взрыв устроили чеченские боевики.

– А кто еще мог устроить? Мы сами устроили? Или американцы, понимаешь, приехали к нам, чтобы взорвать наше метро? Кто еще мог такую бомбу подложить?

– Выясняем, – вздохнул министр.

– Плохо выясняете! – оборвал его президент. – Нужно было раньше проводить ваши мероприятия. Выборы через несколько недель, а у него бомба, понимаешь, в Москве взрывается. А наша ФСБ почему не действует?

Директор Федеральной службы безопасности молчал. Он знал, что в таких случаях лучше подождать, дать возможность президенту выговориться, остыть.

– Столько раз говорил, чтобы в Москве все под своим контролем держали! – злился президент. – Так они завтра и Кремль взорвут.

Директор ФСБ по-прежнему молчал.

– А прокуратура, – вспомнил президент, – расследует все эти преступления годами. Никаких результатов мы не имеем. Просто позор. Нигде в мире такого нет. Что это такое?

– Мы создали специальную группу, – рискнул вставить прокурор республики.

– Группу? – повернулся к нему президент. – Какую группу? Вы лучше по семьям погибших пройдите, спросите, что они думают? И как голосовать будут на выборах? Или вы действительно ничего не понимаете? Не хотите понимать?

Прокурор, смекнув, что оплошал, замолчал. Но было поздно.

– Группу он создал, понимаешь, – продолжал бушевать президент. – А нам нужно не группу собирать, а найти человека, чтобы расследовал это. Чтобы нашел этих бандитов. А он группу создает. Давно у нас должен быть свой специалист по таким преступлениям.

Директор ФСБ хотел сказать, что и они создали параллельную группу, но снова сдержался, решив не прерывать.

– И сколько мы это терпеть будем? – продолжал президент. – Почему мы такое терпеть обязаны? Я вам всем говорю: через две недели у меня должны быть данные – кто это сделал. Не можете найти, так хотя бы скажите – кто это сделал. Дудаев вчера интервью дал Би-би-си. На весь мир нас опозорил, говорит, его люди такие вещи не делают, понимаешь. А мы ничего доказать не можем. Значит, так и будем сидеть без результатов со своими группами?

Президент обвел взглядом всех сидевших. Задержался на директоре Службы внешней разведки. Он единственный чувствовал себя относительно спокойно: все громы и молнии президента его не касались.

– Вот наши разведчики, – кивнул в его сторону президент, – ведь могут нормально работать. Мне премьер говорил – такую информацию дают по экономике, самую передовую технологию.

Здесь сидели только высшие руководители государства. Но директор СВР все равно сделал нервное движение, как бы предупреждая президента о неразглашении подобной информации. Президент заметил его движение.

– Молчу, молчу, – шутливо сказал он, – не буду говорить про ваши секреты. А то потом меня и накажете первого.

Все заулыбались. Напряжение было снято. Именно в этот момент в разговор вступил министр иностранных дел. Он раньше возглавлял Службу внешней разведки и был ловким царедворцем, знающим, когда и как нужно вступать со своими предложениями.

– Группа, конечно, неплохо, но можно подключить и некоторых специалистов из разведки, – предложил он. – Они ведь занимаются зарубежными террористами, пусть теперь займутся нашими.

– Да, – сразу заинтересованно поддержал его президент. – У вас есть такой человек?

Директор СВР, работавший ранее первым заместителем нынешнего министра иностранных дел, смотрел на министра непонимающими глазами. Он не знал, о ком именно говорит его бывший руководитель.

– Мы можем найти такого человека и поручить ему, – твердо сказал своим глухим голосом министр иностранных дел.

– Вот это правильно, – поддержал президент. – Специалисты нужны в каждом деле. А то они группы создают, понимаешь, вместо того, чтобы возложить на кого-то конкретную ответственность. Когда группа – что получается? Все расследуют, а никто не виноват?

– Мы поручим нашим специалистам, – быстро сказал директор СВР, осознав, что спорить при данных обстоятельствах никак нельзя.

Совещание продолжалось. Министры говорили об ужесточении мер безопасности на транспорте. Под особый контроль перед выборами брались аэропорты, железнодорожные вокзалы, автобусные станции, места большого скопления людей.

Для Москвы было признано целесообразным выделить и некоторое количество военнослужащих, которые совместно с милицией должны были осуществлять патрулирование в городе. Под контроль брались и все объекты жизнедеятельности, особенно водоемы. В самом метро было признано целесообразным ввести особую систему проверки.

Было принято предложение мэра Москвы о начале широкомасштабной паспортной проверки и выселении из столицы всех неблагонадежных лиц. При этом, кроме проверки, милиция и органы ФСБ проводили операцию по ограничению деятельности многих казино и ночных баров.

Совещание закончилось через два часа. Когда все выходили из зала, директор СВР чуть задержался, чтобы его догнал министр иностранных дел.

– Простите, о каком специалисте вы говорили президенту? – спросил директор СВР. – У нас есть такой человек?

– Есть. Он, правда, не является в строгом смысле этого слова вашим сотрудником. Но это не так принципиально.

– Про кого вы говорите?

Министр оглянулся. И, нагнувшись, тихо произнес одно слово:

– Дронго.

Директор СВР покачал головой.

– Вы ошиблись. Он погиб в прошлом году, взорвался в автомобиле. У нас были точные сведения. Мы ведь с вами разговаривали о нем. Я даже посылал вам документы, как вы просили.

– Да, я их получил, – кивнул министр, – и именно поэтому точно знаю, что он жив.

– Откуда такая уверенность?

Министр еще раз оглянулся.

– Он уже в Москве, – сказал он, – приехал по моему приглашению. Вы можете с ним встретиться хоть сегодня.

5

После встречи с министром иностранных дел он уже не удивился, когда ему позвонили. Более того, он ждал этого звонка, понимая, что рано или поздно это все равно случится. Но, как обычно и бывает в таких случаях, это все равно произошло неожиданно, и ему пришлось бросать все свои дела, чтобы прилететь в Москву.

Он должен был встретиться с министром иностранных дел. И, прибыв в Москву, ждал еще одного звонка, который прозвучал вечером, около семи часов. И уже через час совсем в другом месте, в большой, но закрытой комнате они встретились с министром иностранных дел России.

Евгений Примаков был осторожным, всегда тщательно продумывающим свои шаги человеком. Ему удавалось сохранять хорошие отношения с сильными мира сего почти при каждом режиме, упорно продвигаясь вверх по служебной лестнице. И хотя в мировой дипломатии он не сумел добиться успехов Киссинджера или Геншера, тем не менее для России это был своего рода феномен, российский Талейран конца двадцатого века. Причем в это определение входили и цинизм, присущий любому политику, и разумная мера осторожности, и умение тщательно контролировать шаги своих соперников, продумывая свои собственные на несколько ходов вперед.

Примаков был единственным человеком, входившим в высшее руководство страны и при Горбачеве, и при Ельцине. Более того, он умудрился возглавить разведку после августовского путча девяносто первого, отделить ее от системы контрразведки и сохранить сотни и тысячи агентов, не разрешив президенту и его окружению начать развал системы разведки. И это была единственная организация в стране, не только сохранившая практически все кадры, но и добившаяся значительных успехов в период развала огромной империи.

Теперь, сидя перед своим собеседником, министр вспоминал данные, которыми располагала его служба. Перед ним был не просто разведчик. Не только профессиональный аналитик, десятки раз доказывавший свое высокое мастерство. Перед ним сидел человек, имя которого было строжайшим табу даже в разведке. В его личном деле не было обычной анкеты, а все его операции и командировки заканчивались отчетами с одним словом – «Дронго».

Это небольшая отважная птичка, название которой взял этот человек столько лет назад, сделала теперь его имя нарицательным и породила массу легенд во всем мире. При этом и сам министр, и многие высшие руководители спецслужб всего мира считали, что Дронго погиб в прошлом году, во время проведения операции с «русской мафией».

И теперь они сидели друг против друга в большой комнате без окон.

– Я представлял вас немного другим, – сказал своим обычным, словно простуженным, голосом министр.

– А я вас именно таким, – улыбнулся Дронго. – В последнее время вас часто показывают по телевизору.

– Это хорошо или плохо?

– Для министра, наверное, хорошо. Для политика в такой нестабильной стране – не очень.

– Довольно интересное наблюдение, – усмехнулся министр. – Почему вы считаете, что нужно редко появляться на экране?

Он не стал говорить, что аналитики в СВР придерживались подобного мнения по отношению ко многим политикам страны.

– Традиции, – объяснил Дронго. – Где-то я прочел, что Сталин в эпоху телевидения выглядел бы достаточно жалким и смешным. Представьте себе, его показывали бы каждый день. Маленький, говоривший с сильным акцентом, с парализованной рукой, рябой. С него

стали бы делать карикатуры. А когда смеются, нет страха власти. Вас боялись гораздо больше, когда вы работали в СВР и редко появлялись на экранах телевизоров.

Министр усмехнулся, но не стал спорить.

– Про вас говорят, – сказал он, – что вы лучший аналитик в мире. Почти как компьютер, только с абсолютно нелогическим мышлением, помогающим вам в трудные минуты. Это правда?

– Не мне судить, – засмеялся Дронго, – хотя это обидно, что мышление не совсем логическое, вы не считаете?

– Не считаю. Мне рассказывали про вас, как однажды в Париже вам понадобилась крупная сумма денег. Вы узнали фамилию местного комиссара полиции и позвонили в ювелирный магазин. Владельца вы предупредили, что говорит комиссар полиции и просит его не оказывать сопротивления грабителю, который сейчас появится в магазине. Так нужно полиции, чтоб арестовать негодяя с поличным. После чего пошли в магазин под видом грабителя. И довольный хозяин магазина, посмеиваясь, отдал вам все драгоценности, ожидая, что вас арестуют. И лишь после вашего отъезда понял, как его обманули. Было такое?

– Не совсем, но было.

– И вы еще говорите о логическом мышлении? По-моему, это яркий образец нетрадиционного мышления.

– Спасибо.

– Но я позвал вас не из-за этого.

– Это я уже понял.

– Нужна ваша помощь. В расследовании одного преступления. Вернее, уже двух преступлений, свидетелем одного из которых вы были не так давно.

– Понятно, – помрачнел Дронго. – Эти взрывы в Москве!

– Да, нужно, чтобы расследование провел профессионал такого класса, как вы. Крайне важно знать, кто стоит за этими преступлениями.

– Кому важно?

Министр метнул на него быстрый взгляд.

– Мне, – выдохнул он. – Вас устраивает такой ответ?

– Вполне. По крайней мере, достаточно откровенно. Что я должен делать?

– Нужно провести расследование по фактам взрывов. Нужна объективная информация. Наши доморощенные сыщики, как обычно, будут искать целый год и ничего не найдут. А данные нужны, по крайней мере, за неделю до президентских выборов.

– Это очень короткий срок.

– Конечно. Поэтому было принято решение обратиться именно к вам. В мире не так много подобных профессионалов, Дронго. Я говорю это не для того, чтобы вас похвалить. В разведке достаточно профессионалов высокого класса. Нужен именно такой, как вы. Независимый эксперт, не состоящий на службе ни в одной из наших организаций.

– Как обычно, – кивнул Дронго. – Все понятно. У меня будут помощники?

– А вы обычно работаете с помощниками?

– Нет, всегда один.

– Значит, и теперь будете действовать как всегда. А если понадобятся помощники, можете обратиться ко мне, я пришлю вам столько человек, сколько вам будет нужно.

– Нет, мне нужен будет только связной.

– Я дам вам человека.

– И доступ к компьютерам ФСБ.

– Я организую через Службу внешней разведки, хотя это будет достаточно сложно. Надеюсь, вам нужна только общая информация, ничего секретного? Там будут свои коды и закрытые программы, в которые нельзя проникнуть без соответствующего шифра.

– Разумеется, мне нужна только общая информация, – усмехнулся Дронго.

– Это мы обеспечим. Ваше расследование будет стоить денег. Сколько вам нужно?

– Вы спрашиваете цену моего участия? Или цену моего будущего молчания?

Он получил в ответ тяжелую усмешку. С министром трудно было разговаривать. У него были волчья хватка и глаза змеи.

– Я пока не знаю, – сказал Дронго. – По мере надобности буду говорить.

– Согласен. Но у меня еще один вопрос. Почему появились эти слухи о вашей смерти? Вы ведь были один раз тяжело ранены в восемьдесят восьмом. Тогда вы, кажется, были в Нью-Йорке, обеспечивая безопасность президентов.

– Был. А потом меня тяжело ранили. И я провалялся в госпиталях целых два года.

– В этот раз вас тоже ранили?

– Хуже. В этот раз меня убили.

– Как это понимать?

– Я занимался расследованием убийства одного банкира. Вы знаете это нашумевшее дело. Тогда за его расследование была назначена награда в миллион долларов. Удалось неопровержимо доказать причастность к убийству некоторых государственных структур. Видимо, это кому-то не понравилось. И в машине, в которой я должен был уехать в аэропорт, был оставлен «сувенир». Вот и вся история.

– И как вы спаслись?

– Это вам действительно так интересно?

– Просто важно знать, как действовать в таких случаях.

Дронго взглянул в глаза министру. Тяжелое лицо с несколькими висящими подбородками, мясистые щеки и глаза непонятного цвета, смотревшие в упор на него.

– Вас так убивать не будут, – медленно сказал Дронго. – Вам это ни к чему.

– А как будут?

Они смотрели в глаза друг другу.

– В авиационной катастрофе. Или в автомобильной. Вы слишком много знаете. И слишком известный человек.

– Спасибо. Надеюсь, вас не будет где-нибудь поблизости?

Взгляды обоих, казалось, обладали какой-то магически завораживающей силой.

– Нет, – спокойно ответил Дронго, – меня в любом случае рядом не будет. В этом варианте мой вопрос будет решен еще раньше вас.

– Это как-то успокаивает, – заметил министр, – но вы не ответили на мой вопрос. Как вам тогда удалось спастись?

– Чудом. Просто иногда в жизни бывают такие чудеса. В машине сидели два человека. Мужчина и молодая девушка. А я вышел купить газеты. И именно в этот момент он завел машину. После взрыва я понял, что мне нужно уходить. Никакой мистики, обыкновенное везение.

Министр ничего не ответил. Просто поднялся и пошел к выходу из комнаты. И, уходя, все-таки обернулся и попрощался:

– До свидания, сейчас сюда придет ваш будущий связной.

– До свидания, – чуть привстал Дронго на прощание.

Министр вышел из комнаты, и Дронго остался один. Он сидел спиной к двери, но не оборачивался, понимая, что в этой комнате за ним могут следить. Степень его откровенности с министром зависела от самого собеседника. От его вопросов и ответов. Если человек, с которым беседовал Дронго, желал получить объективную, но очень беспокойную правду, он ее получал. Если желал порцию спасительного обмана – тоже получал. Но с неперменным условием знания того обстоятельства, что рассказанное именно ему – порция обмана из всего

приготовленного для этого человека блюда. Таковы были правила игры, и все соблюдали их, не особенно возражая.

Дронго услышал, как за спиной открылась дверь. Он не шевельнулся. Раздались чьи-то быстрые шаги. Он по-прежнему сидел, не поворачивая головы. И лишь когда раздался голос, он удивленно посмотрел на своего будущего связного.

– Давайте познакомимся, – сказала женщина лет сорока.

Он встал. Впервые в жизни ему придется работать с таким связным. Он раньше работал с женщинами, но это были неприятные воспоминания. Дважды его напарницы погибали. В первом случае это была Натали. Воспоминание о ней до сих пор оставалось внутри ноющей болью. Да и со второй напарницей ему не повезло. Тогда, в Бельгии, она все решила за свое начальство. Правда, иногда женщины помогали ему, и это было тоже очень важно. Он смотрел ей в глаза. Глаза у нее были непонятного стального цвета. Он думал, что такие глаза бывают только у мужчин. Они были спокойными и умными, смотрели на него внимательно, словно изучая. Ему понравились эти глаза. У «пустышек» не бывает таких глаз. Длинные светлые волосы были собраны в тугий узел. Она была довольно высокого роста, хотя ходила на каблуках.

– Добрый вечер, – ответил он и, не удержавшись, спросил: – Неужели они не могли прислать хотя бы одного мужчину?

С этого вопроса началось его знакомство с Надеждой. И его дальнейшая работа.

6

Два дня Ордовский и Агаев потратили на поиск настоящих «авторитетов». Столица давно была разделена на враждующие группировки, у каждой из них был свой определенный район и свои места базирования. Базой чеченской группировки традиционно считалась гостиница «Украина».

Но после двух взрывов подряд искать там «авторитетов» было наивно. Милиция и ФСБ начали массовую проверку, устраивали облавы, выставляли дополнительные посты. Многие главари преступных кланов решили покинуть город, перебираясь в более спокойные места. Несмотря на подключение к поискам обоих офицеров ФСБ, профессионалов из МУРа, выйти на руководителей чеченской мафии в Москве так и не удавалось.

В этот вечер Славин, как всегда задержавшись на работе, вышел позднее обычного. Прошел к стоянке ФСБ, где находилась его машина, запустил двигатель и вдруг почувствовал за спиной чье-то дыхание.

– Сиди спокойно, дорогой, – сказал незнакомец. – Мы с тобой должны немного показаться.

– Почему? – спросил подполковник, уже догадавшийся, кто его «гость».

– Меня уважаемые люди послали. Говорят, скажи Владимиру Сергеевичу, что мы хотим с ним встретиться. Два дня ваши сотрудники вместе с МУРом весь город перетряхивают, ищут каких-то «авторитетов». А разве у чеченцев могут быть «авторитеты»? У нас просто есть уважаемые люди, которых мы ценим за их ум и дружескую помощь.

Славин выехал со стоянки.

– Куда дальше? – спросил он.

В зеркале заднего обзора он видел лицо незваного гостя. Обычное лицо сравнительно молодого человека. Встретив такого в толпе, он решил бы, что перед ним либо русский, либо белорус. Чеченец был светлый, со светло-кариими глазами и хорошо говорил по-русски.

– Сначала на Мосфильмовскую, – предложил сидевший на заднем сиденье пассажир, – а потом я тебе покажу дорогу.

Поражало не само присутствие чеченца на охраняемой стоянке ФСБ, а то, как быстро другой стороне удалось установить, кто руководит группой офицеров ФСБ, так желающих встретиться с руководителями чеченских преступных группировок в Москве. Впрочем, в последние два года Славин ничему не удивлялся.

Во время боев у чеченской стороны находили даже карты Генерального штаба России. Всепобеждающий вирус коррупции, проникший на театр военных действий, сделал из героических прорывов армии посмешище, из военных планов дети делали «журавликов», а самые секретные поручения Генштаба и ФСБ почти сразу становились известны чеченскому командованию.

Уже после начала войны никто не хотел признаваться, что поводом к ней была чеченская нефть, транспортировка которой шла через Чечню, и амбиции двух президентов – российского и чеченского. Каждая сторона, напротив, говорила о законности именно своего режима, обвиняя своих соперников в чудовищных преступлениях.

Когда они подъехали на Мосфильмовскую, незнакомец назвал другой адрес. Славин повернул туда. Пока незваный гость вел себя спокойно, не угрожал и не особенно нервничал.

– Слушай, к кому мы едем? – спросил подполковник.

– Там узнаешь, – загадочно сказал чеченец. – Мы обещаем, что с тобой ничего не будет.

– Надеюсь, – пробормотал Славин, внимательно следя за дорогой. Он уже давно заметил следовавший за ними темно-синий «Вольво-960». Когда он свернул в один из переулков и «Вольво» свернул за ним, сомнений уже не оставалось. За их машиной кто-то следил.

– Это ваши ребята на «Вольво» за мной увязались? – уточнил Славин.

– Я же тебе сказал: не беспокойся. Все будет нормально.

Они въехали в какой-то двор, и к машине подошли двое парней. Знаками они попросили Славина выйти из машины и, проведя дворами, усадили в микроавтобус «Фиат». Они еще довольно долго куда-то ехали, и наконец парни, сидевшие с двух сторон, вышли, предлагая Славину следовать за ними.

Славин вылез и оглянулся. Машина снова стояла во дворе какого-то незнакомого трехэтажного дома. Приехавшие с ним ребята показали ему на дом, сами остались на месте. У входа его встретил еще один парень и так же молча показал, куда идти. Наконец он оказался в большой комнате, где за столом сидели двое. Один был молодой, лет двадцати пяти – тридцати. Другой постарше, ему было лет пятьдесят. Густая борода и усы делали его облик особенно колоритным.

– Здравствуй, подполковник, – сказал он. – Извини, что доставили тебя сюда таким необычным способом.

– Ничего, – сказал Славин, усаживаясь за стол, – видимо, у вас были основания.

– Да уж, – усмехнулся бородатый, – основания были. Сейчас милиция каждый час облавы проводит. По всей Москве чеченцев избивают. Дети многих честных людей боятся в школу ходить. Как только узнают, что чеченец, начинают издеваться или избивать. А в Москве знаешь сколько чеченцев живет?

– Представляю, – вздохнул Славин. – А что вы хотели? Это ответная реакция. Заодно, вместе с вами, бьют азербайджанцев, лезгин, аварцев, считая их почти вашими родственниками. Я сегодня видел сводку по городу. Знаете, скольким вашим на базарах и в магазинах головы проломили? Считают, что вы эти взрывы в городе организовали.

– Поэтому мы тебя и позвали, – нахмурился бородатый. – Только из-за этого мы вдвоем в Москву вернулись. Чтобы с тобой встретиться. Твои офицеры уже два дня контакты ищут. Весь МУР перетряхнули. А мы с тобой поговорить хотели без свидетелей. Нам лишние люди ни к чему. Поэтому мы узнали, кто командует этими офицерами, и вызвали сюда именно тебя. Как думаешь, правильно сделали?

– Это зависит от цели нашей встречи, – заметил Славин. – Я ее пока не знаю.

– Это ты должен говорить. Ты ведь хотел с нами встретиться. Хотя нет. У нас тоже такое желание возникло. Мы хотим тебе правду рассказать.

– Я знаю, – спокойно ответил подполковник, – сейчас вы мне расскажете, что эти взрывы организовали совсем другие люди.

Бородатый усмехнулся. Молодой по-прежнему молчал, не сводя глаз с подполковника.

– Умный ты, – сказал бородатый. – Сам догадался или помогли?

– Какая разница. Я просто рассуждал, как нормальный человек. Сколько таких, как ты, людей у чеченцев? Один процент, ну пусть два, ну пусть пять. А все остальные? Как им жить, как учить детей в школе, общаться с людьми? Да и вы не дураки, чтобы такое организовывать. Понимаете ведь отлично, в какие античеченские погромы все это может вылиться.

– Правильно говоришь, – согласился бородатый. – Мы тебя сюда позвали не из-за себя. Наше дело такое: либо сегодня убьют, либо завтра. Либо свои пристрелят, либо милиционеры что-нибудь придумают. Но при чем тут дети? Там, в метро, дети погибли, женщины, старики. Мы проверили всех наших людей. Это чеченцы не делали. Никто не мог такую вещь сделать. На войне мы сражаемся, когда нас убивают, и мы убиваем, но вот так, подло, чтобы детей убивать, такого мы не могли сделать.

– Я так и думал.

– Мы из-за этого тебя и позвали. Хотим, чтобы ты понял. Чтобы всем рассказал – чеченцы не подлецы. Среди нас есть убийцы, есть грабители, чего там скрывать. Можно подумать, среди других народов их не бывает. А те ребята, которые в Чечне воюют, – те настоящие герои. Они

не как мы умирают. В Чечне сейчас люди за свободу воюют. Но взрывать детей мы не умеем. Ни мы и ни те ребята, которые там воюют. Хочу, чтобы ты понял. Такого мы сделать не могли. Это кто-то другой делает и нам все пришивает.

– А вы знаете кто?

– Если бы знали, – нахмурился чеченец. – Знаешь, какие убытки несем? Миллиарды. Все магазины закрыли, все лавки. Милиция избивает наших ребят, ломает стекла, мешает торговать. Мы не знаем кто, а если узнаем, сами глотку перегрыздем, чтобы на нас не сваливали в следующий раз.

– А может, нам лучше заключить мирный договор на время? – улыбнулся Славин.

– Какой договор? – нахмурился молодой. – Я говорил, с этим кагэбэшником ничего нельзя иметь общего, – почему-то по-русски сказал он, обращаясь к своему напарнику. Может, для того, чтобы его понял подполковник.

– О чем говоришь? – не понял и бородач. – Какой договор?

– Давайте вместе искать этих подонков. Мы со своей стороны, а вы – со своей. Судя по всему, организация дела у вас поставлена серьезно. Если смогли мою группу просчитать, узнать, кто ее возглавляет, устроить встречу – значит, информаторов у вас хватает. И даже среди наших сотрудников тоже. Поэтому, ребята, не будем друг другу бабки забивать. Я все равно после того, как мы закончим операцию, начну искать, каким образом и через кого вы на меня вышли. Не обижайтесь, поймите меня, это моя работа. Я это обязан сделать. А вы, при ваших связях, можете ощутимо помочь всем нам. И себе в том числе. Давайте вместе искать того, кто мог устроить такой взрыв в метро.

– Мы уже ищем, – сказал молодой. – Сами найдем – сами разберемся.

– Глупо, – убежденно возразил Славин. – Вы убьете нескольких исполнителей, а об этом никто не узнает. Наоборот, скажут, чеченцы лютуют. Нельзя так делать. Нужно, чтобы этих людей арестовали. Чтобы все узнали, что это не вы сделали. Что у этого чудовищного преступления были заказчики.

– Он правильно говорит, – кивнул старший из собеседников. – Нужно искать не тех, кто эту бомбу принес в метро, а тех, кто им заплатил за это деньги.

– Они всегда все говорят правильно, а потом нас же и обвиняют, – огрызнулся молодой. – Не верю я ему. Он тоже нас обманывает, как и все остальные. Ему важно только свое следствие закончить, найти виноватых. Стрелочников. Кто бомбу подложил. А больше его ничего не интересует. Ему ведь полковником стать нужно.

– Врешь! – разозлился Славин. – Я в метро был в тот день. Все сам видел. Врешь, негодяй, мне нужны виноватые не потому, что мне за это звездочку на погоны нацепят. Плевал я на эту звездочку! Мне важно найти мерзавцев. И я их все равно найду. И без вашей помощи найду. Просто, пока будем искать, вам будет плохо, все шишки все равно на вас падают.

– Ладно, – решительно заключил бородач, – может, ты и прав. Но и мы правы, подполковник. Враг ты наш все равно. И звездочку третью ты давно получить хочешь. А насчет метро ты, наверно, прав. Нам всем искать нужно. В общем, сделаем так: если мы что-нибудь узнаем, мы тебе позвоним. Скажем: привет от дяди Володи. Значит, жди в машине наших сообщений. Все понял?

– Телефон вы тоже знаете? – улыбнулся Славин. – Ребята, я начинаю вам завидовать. Вы прямо как вражеская разведка работаете.

Его собеседник улыбнулся в ответ, показывая свои крепкие зубы.

– Иначе нельзя. На войне как на войне. Так, кажется, в Европе говорят.

7

В этой квартире, кроме него, отныне могли появляться только два человека – его связной и специалист по компьютерной технике. Министр иностранных дел, несколько лет возглавлявший службу разведки, сумел найти человека, виртуозно разбирающегося в компьютерах и абсолютно не имеющего никаких связей с Москвой. Это был специалист из Новосибирска, работавший ранее в местном Академгородке. Его необыкновенные способности привлекли внимание, и его пригласили на работу в региональное отделение СВР по Сибири, находящееся именно в Новосибирске.

Теперь по просьбе министра этого специалиста срочно командировали в Москву и поселили в квартире, ставшей своеобразным компьютерным центром из-за обилия установленной там аппаратуры. Мировая система Интернет, к которой были подключены и компьютеры, стоявшие на квартире, уже действовала во многих странах, и лишь в СНГ о ней не знали даже многие специалисты, работавшие на компьютерах.

Дронго четко представлял себе, что без подобной системы подключения, без необходимого центра обработки аналитической информации ему одному не справиться. Времена чудачковатых аналитиков, поражавших своей логикой и человеческим участием к происходящим событиям, – кончались. Им на смену приходили новые герои, новые детективы, новые специалисты.

Играющий на скрипке и поражающий своей безупречной логикой Шерлок Холмс, добродушный и проницательный Эркюль Пуаро, всезнающий и всепрощающий патер Браун, любитель орхидей Ниро Вульф и даже сам комиссар Мегрэ со своими немногочисленными помощниками уже стали легендами уходящей эпохи. Они были великими профессионалами, позволившими миллионам людей поверить в торжество справедливости, не потерять веру в себя, добиваясь показательного торжества добра над злом.

Но в век космических кораблей, спутниковых телефонов, всемирных компьютерных программ требовалось не просто торжество логики. Требовался профессионализм, основанный и на умении переработать массу информации, которой просто не могло быть в прежние годы.

Именно поэтому Дронго и был нужен специалист, умеющий подключаться к нужным источникам информации и обрабатывать получаемые результаты гораздо надежнее любой группы помощников.

Специалиста звали Зиновием Михайловичем, и ему было тридцать восемь лет. И хотя он был сравнительно молодым человеком, тем не менее постоянная задумчивость на лице, какой-то болезненно-растерянный вид, худые плечи, с которых смешно свисал его немодный пиджак, и вечно всклокоченные редкие волосы вкупе с большими роговыми очками не позволяли никому точно определить его возраст. Занятый своими мыслями, болезненно влюбленный в компьютеры и все, что с ними связано, не женившийся в свои годы, Зиновий Михайлович выглядел как бы выпавшим из общей колеи времени. При желании ему можно было дать и тридцать, и сорок, и пятьдесят, и все шестьдесят лет. Собственно, он сам знал это лучше других и относился к этому философски спокойно. После тридцати пяти его как-то перестали интересовать женщины. И его единственной страстью были ежедневные игры на компьютерах. Это была его религия, заменившая ему реальный мир.

Поручив Зиновию Михайловичу переработать все данные по двум взрывам в метро, Дронго терпеливо ждал результатов анализа. И хотя он понимал, что компьютеры могут проанализировать только известные факты, тем не менее уже по опыту предыдущих исследований он знал, что такая обработка информации иногда позволяет взглянуть на известные факты несколько иначе, обратить внимание на те или иные детали, упущенные в ходе возможного расследования как незначительные и малодоказательные.

От Надежды Ковровой, которую к нему прикрепили в качестве связного, он узнал, что расследованием преступлений руководит специальная группа работников прокуратуры, ФСБ и МВД, которую возглавляет опытный следователь по особо важным делам прокуратуры республики Михаил Никифорович Воробьев. Та же Коврова сообщила ему о том, что группа Воробьева пока не смогла выйти на какие-нибудь конкретные результаты, а технические эксперты лишь проводили идентификацию обоих взрывных устройств. Иными словами, эксперты старались определить – сработаны ли оба взрывных устройства по единой схеме и каков принцип действия подобных разрушительных подрывных мин.

К вечеру следующего дня Дронго узнал, что, кроме группы Воробьева, неофициальное расследование поручено и специальной группе подполковника Славина. Он немедленно запросил все данные на группу. Коврова удивилась, но пообещала узнать.

Через час она позвонила, как раз в тот момент, когда Дронго и Зиновий Михайлович молча ужинали на кухне.

– У нас некоторые сложности, – сказала Коврова. – Я приеду только утром.

– Хорошо, – согласился Дронго, – но учтите, что эти данные мне обязательно нужны. Это не моя собственная прихоть. Так нужно для дела.

– Понимаю, – ответила Коврова и первая отключилась.

Телевизор в квартире был, но по взаимному молчаливому согласию они смотрели только последние «Новости». И после этого Зиновий Михайлович шел в другую комнату, где возился со своими машинками, а Дронго – в противоположную, чтобы, сидя за столом, в тысячный раз мысленно прокручивать любой из возможных вариантов подобных взрывов в столице.

Утром Коврова приехала несколько позднее обычного, часов в одиннадцать. Поздоровавшись, протянула папку с документами.

– Здесь все, что удалось получить, – коротко сказала она. – Учтите, что это офицеры Федеральной службы безопасности, поэтому были определенные сложности с получением этой информации.

– Вы оставите эти документы у меня? – спросил Дронго.

– Нет, вы должны их просмотреть и вернуть мне. Копии снимать не разрешается. Внизу меня ждет автомобиль.

– Эта специальная группа так засекречена? – удивился он.

– Во всяком случае, я получила документы только на этих условиях. И это было очень сложно, – невозмутимо произнесла она.

Он взял папку и прошел к столу. Раскрыл, стал читать биографии членов группы Славина. Первым шел сам Владимир Сергеевич Славин. Подполковник. Тридцать шесть лет. Дронго, просматривая его послужной список, отметил, что семья офицера проживает в Санкт-Петербурге и он лишь недавно был переведен в Москву. Обратил внимание на данные подполковника, набравшего по шкале умственного коэффициента Роундерса свыше ста тридцати баллов, что было чрезвычайно высоким показателем.

Вторым значился майор Ордовский. Решительный, смелый, храбрый. Перечисление его успешно выполненных заданий заняло целый список. Он был старше Славина и опытнее его, но из-за того, что поздно пришел в органы КГБ после службы в армии и пограничной службы, на которой также успел отличиться, даже был тяжело ранен, он все еще был майором.

Третьим членом группы была капитан Инна Светлова. Ее послужной список также производил впечатление. Она работала в специальных подразделениях по освобождению заложников. Под видом медсестры часто участвовала в переговорах. И во время одной из таких встреч сумела обезоружить трех вооруженных преступников, получив при этом легкое ранение в левую ногу. В группу подполковника Славина она была рекомендована одной из первых.

Следующим в списках был капитан Гамза Агаев. Ему было тридцать лет, и, несмотря на это, все свои три звания в ФСБ он получал досрочно. Агаев пришел в органы уже после начала

перестройки и успел отличиться в «горячих точках» Кавказа. Дронго обратил внимание на рапорты руководства о присвоении Агаеву досрочных званий. Он также был однажды ранен в Махачкале во время задержания террористов, пытавшихся взорвать поезд, следовавший по маршруту Ростов – Баку.

И, наконец, последним в списке был старший лейтенант Виноградов. Самый молодой, пришедший в органы ФСБ уже после августовских событий девяносто первого года. Он считался специалистом в области компьютерной техники, и Дронго чуть усмехнулся, читая эти строчки. Прогресс сам по себе вещь довольно приятная и полезная, если умело пользоваться его достижениями. И он особо отметил фамилию Виноградова. Нужно будет попросить Зиновия Михайловича выйти на компьютер этого молодого человека или хотя бы связаться с ним каким-нибудь образом.

Пока он внимательно читал документы, Коврова сидела за столом и терпеливо ждала. Он дочитал последнюю бумагу, осторожно сложил все в папку, закрыл на мгновение глаза, словно давая возможность остаться увиденному в памяти, как при фотографировании. И снова открыл глаза.

– А почему нет их фотографий? – спросил он у Ковровой.

Она пожала плечами.

– Не думаю, чтобы их могли нам дать. Они и так согласились почти на невозможное. По моему, вмешался даже директор СВР. Фотографий не было.

– Хорошо, – он протянул ей папку. – Это все, что у вас есть?

Она взяла папку.

– А этого мало?

– Только один вопрос. Можно ли как-то узнать, в каком режиме и на каком компьютере работает обычно старший лейтенант Виноградов? У него есть свой код или это обычное подключение к их компьютерной сети?

– Я этого не знаю, – поднялась Коврова, в ее светлых глазах было удивление, смешанное с некоторой долей негодования. Кажется, этот самоуверенный тип не понимает, как сложно было достать подобные документы. – И не думаю, что мне может кто-то сообщить эти данные. Они слишком секретны.

– Значит, мне придется сегодня работать с Зиновием Михайловичем, – вздохнул Дронго.

– Значит, так, – подтвердила Коврова, направляясь к двери.

Он выждал три секунды, пока она сделала три шага, и громко сказал:

– Жаль.

Она все-таки обернулась. В глазах по-прежнему было удивление, но на этот раз без примеси негодования.

– Что вы сказали?

– Я сказал – жаль. Мне было бы приятнее работать с вами. Вы гораздо более разговорчивы, чем компьютеры Зиновия Михайловича.

Она все-таки улыбнулась.

– Я принимаю это как комплимент, – сказала Коврова и вышла.

Дронго прошел в другую комнату, где сидел в окружении своих «любимых игрушек» Зиновий Михайлович.

– Сегодня нам с вами придется много поработать, – сказал Дронго.

– Уже догадался, – мрачно ответил его собеседник. – Ушла эта баба?

– Кажется, вы ее не любите? – улыбнулся Дронго.

– А почему я ее должен любить? – огрызнулся Зиновий Михайлович. – Типичная стерва. Уверенная в себе сучка. Такие и замуж не выходят, и не рожают из-за карьеры.

– Браво, мой дорогой! – захохотал Дронго. – Вы еще и женоненавистник. Я так и думал. Хороший специалист не может делить свою любовь между машинами и женщиной. Или то, или

другое. Я прав? По-моему, в последний раз вы встречались с женщинами в эпоху развитого коммунизма.

– Идите вы к черту! – посоветовал Зиновий Михайлович, обидевшись. Он действительно давно не встречался с женщинами.

– Все! – поднял руки Дронго. – Беру свои слова обратно. Не обижайтесь. Вы – Дон Жуан, вы – Казанова, вы – подлинный обольститель женских сердец. Вас устраивает такой вариант?

– Вы будете работать? – спросил вконец рассвирепевший Зиновий Михайлович. Почему-то сравнение с Дон Жуаном его особенно обидело. В его представлении слово «дон» было каким-то неприличным, словно заранее извещающим о несерьезности обладателя подобного имени.

– Молчу, – сдерживая улыбку, сказал Дронго, – но все-таки не нужно так серьезно о женщине. И так скучно. Она принесла много полезного. Но, к сожалению, не все, что мне было нужно.

– Поэтому вы сказали, что она более болтлива, чем мои компьютеры? – желчно уточнил Зиновий Михайлович.

– Ах, вы еще и подслушивали?

– Нет, – покраснел Зиновий Михайлович, – я просто услышал. Вы всегда так громко говорите, что нельзя не услышать. Почему вы всегда так кричите?

– Я не кричу, – серьезно ответил Дронго. – Просто восемь лет назад меня тяжело ранили. Один выстрел был в голову. С тех пор у меня сильные головные боли и первое время были шумы. Приходилось говорить чуть громче, чтоб услышать самого себя.

– Извините, я этого не знал.

– Ничего страшного. Давайте действительно работать, – Дронго сел ближе к собеседнику. – Для начала меня интересует компьютер старшего лейтенанта Виноградова.

– А где он находится? – подозрительно спросил Зиновий Михайлович.

– В центре ФСБ. Видимо, у него прямое подключение на их компьютерную сеть. И, конечно, есть свой персональный код. Так что вам придется серьезно поработать.

– Вы ненормальный, – дернулся Зиновий Михайлович. – Это практически невозможно. У них абсолютная система блокировки.

– Но ведь и у вас есть некоторые общие коды. Вы можете входить в их сеть?

– Это абсолютно невозможно. Просто невозможно, и все!

– Для начала все-таки попытайтесь. У вас ведь есть разрешение пользоваться некоторыми системами СВР. Конечно, там, где нам разрешили, нет никакой секретной информации, но, может, нам что-нибудь удастся и здесь. Общие принципы могут быть схожими. Ведь систему безопасности подобной связи разрабатывает одна организация – ФАПСИ¹. Давайте все-таки попробуем, – убежденно сказал Дронго.

Зиновий Михайлович пожал плечами и наклонился над клавиатурой.

¹ ФАПСИ – Федеральное агентство правительственной связи и информации. Ранее структурно входило в КГБ как одно из его управлений.

8

После возвращения со своей памятной встречи Славин два дня убеждал руководство перевести его группу в другое здание или, еще лучше, в какой-нибудь закрытый центр. Он понимал, что если местонахождение его группы и результаты их деятельности известны даже руководителям чеченских преступных организаций в Москве, то это тем более станет известно тем, против кого и создавалась эта группа.

Однако один из рабочих телефонов, тот самый, который был известен его очень осведомленным собеседникам, решено было оставить за группой. Дальнейшие поиски в гараже ни к чему не привели. Работавшие со служащими гаража довольно плотно следователи Воробьева так и не смогли получить сколь-нибудь существенные результаты. Ордовский постоянно находился на связи с группой Воробьева, в которую входило несколько специалистов из МВД.

Славин поручил Агаеву и Светловой расследовать, каким образом чеченцам удалось установить номер его автомобиля, обнаружить его телефон, узнать задачи их группы. Виноградову была поручена техническая проверка бывших кабинетов, в которых размещалась группа. Совместно с двумя приданными группе экспертами Виноградов проверял каждую комнату. Славин не мог исключить наличия в их бывших помещениях подслушивающих устройств, установленных кем-нибудь из их коллег за большие деньги.

Повальное взяточничество уже давно стало нормой и добралось даже до коридоров столь специфического учреждения, как ФСБ. Никого уже не удивляло предательство в собственных рядах. Ведущие войну в Чечне офицеры знали, что все их планы становятся известны заранее, что их переговоры прослушиваются, а месторасположение их частей известно даже сельским ребятишкам. В отдельных частях были забыты такие понятия, как честь офицера, достоинство гражданина, этические нормы порядочного человека. Рухнувшая Империя словно освободила всех от угрызений совести, сделала ненужными многие, столь ценимые прежде, моральные критерии и позволила каждому в полной мере проявить свои худшие качества, обнажая в человеке все самое низменное.

Тщательная проверка ничего не дала. Оставалось только предположить, что сведения о группе Славина были получены от кого-то из информаторов в самом ФСБ. Установлением этого и занимались Агаев и Светлова.

Славину важно было исключить саму возможность утечки информации из его группы. Мысль о том, что это мог быть кто-то из его людей, даже не приходила ему в голову, он хорошо знал всех своих сотрудников, успев проверить их за недолгое время совместной работы.

На четвертый день после встречи с неизвестными Славин получил сообщение о работе следователей. За это время группа Воробьева провела серию экспериментов и различных следственных действий, неопровержимо доказав, что оба взрывных устройства были установлены одними и теми же людьми, в обоих случаях применялась особая пластиковая взрывчатка чешского производства, взрывное устройство не могли бы обнаружить даже металлоискатели. Настораживал лишь тот факт, что это устройство было относительно нового образца и после девяносто первого года официально не поступало в Россию.

Некоторые следователи видели в этом только подтверждение так называемого «чеченского следа», когда устраивавшие подобные взрывы террористы закупали взрывчатку за рубежом. Но сам Воробьев не спешил с выводами, настаивая на том, что все нужно много раз проверять. Однако неизвестно каким образом сообщение о чешской взрывчатке попало в газеты, и пресса подняла настоящую античеченскую кампанию, обвиняя чеченцев во всех смертных грехах. Вспоминали Буденновск и Первомайское. При этом почему-то забывалось, что чеченцы ни разу не убивали женщин и детей, заложников не расстреливали даже после того, как войска несколько дней атаковали чеченские позиции.

В Государственной Думе взбешенные депутаты требовали дополнительного ужесточения мер по отношению к боевикам. Раздавались крики о повальном выселении чеченцев из Москвы. Умеющий быстро ориентироваться мэр издал особый указ о проверке документов у всех чеченцев, зарегистрированных в Москве. Истерия достигла апогея.

В этот день Славин снова собрал свою группу. Результаты их собственного расследования были неутешительными. Ни Агаеву, ни Светловой так и не удалось установить, кто и когда мог информировать чеченцев о деятельности группы. Оставалось предположить, что утечка информации могла произойти и тогда, когда Ордовский искал через милицию контакты с чеченцами, проживающими в Москве.

Виноградов, ежедневно обрабатывающий всю поступающую информацию, обратил внимание на продолжающиеся античеченские выпады почти во всех газетах. Славин предложил сотрудникам продумать возможность еще одной проверки другой версии. Он так же, как и Воробьев, не очень верил в «чеченский след». Ордовскому было предложено пойти на официальные контакты с МВД.

В конце совещания раздался звонок по тому самому, единственно оставшемуся телефону.

Сразу включилась автоматическая система прослушивания, записи и обнаружения говорившего. Все знали, как действовать в этот момент. Агаев бросился к телефону, вызывая оперативную группу, из которой, в свою очередь, тут же передали сообщение в ближайшее управление милиции, где также дежурили специальные группы. Виноградов побежал в другую комнату, к своим компьютерам, которые были связаны с телефоном. Ордовский поднял трубку:

– Слушаю вас.

– Владимир Сергеевич? – послышался чей-то голос.

– Нет. Он сейчас в другой комнате. Позвать его? – спросил Ордовский. Это было сделано специально, чтобы немного потянуть время и дать возможность оперативной группе установить наблюдение за местом, откуда говорил неизвестный.

– Да, если можно, – очень спокойно подтвердил неизвестный.

– Сейчас позову, – пообещал Ордовский, передавая трубку подполковнику. Славин посмотрел на часы. Группа уже должна была обнаружить место, откуда говорят, и выехать туда. Он смотрел, как секундная стрелка четко отмеряет секунды. Торопиться особенно не стоило, но и затягивать ожидание было нельзя. Эксперты-психологи советовали в таких случаях не затягивать более пятнадцати-двадцати секунд. Славин сумел выдержать двадцать три. И наконец сказал:

– Слушаю вас! У телефона Славин.

– Добрый день! – Говоривший, очевидно, имел железные нервы.

– Здравствуйте! – Важно было тянуть время, выигрывая каждую секунду. Оперативная группа ФСБ уже установила место, откуда звонили, и теперь два автомобиля сотрудников ближайшего управления милиции спешили к тому телефонному аппарату на улице.

– Мы позвонили согласно нашей договоренности.

«Хорошо говорит, – мелькнула мысль у Славина. – Это явно московский чеченец. Или не чеченец вообще. Но человек интеллигентный, это очевидно».

Группа уже подъезжала к тому месту, где должен был находиться говоривший.

– Что вы хотите мне сообщить? – спросил подполковник.

– У нас появились некоторые доказательства. Мы хотели бы увидеться с вами сегодня вечером. В пять часов. На Киевском вокзале. Только вы должны подъехать один. К метро, с правой стороны, там обычно много ларьков торговцев сигаретами.

– Я приеду, – пообещал Славин, держа перед глазами циферблат. – Но почему обязательно один?

– Это неперемennое условие, – говоривший удивительным образом не торопился.

«Группа уже должна быть на месте, – подумал Славин. – Мы ведь договаривались – не больше двух минут, иначе не успеть».

– Вы могли бы сообщить об этом по телефону, – предложил Славин.

– Нет, – возразил его спокойный собеседник, – так не получится. Нам обязательно нужно, чтобы вы присутствовали лично.

Славин посмотрел на Ордовского. Тот был постоянно на связи с милицией и оперативными группами ФСБ. Тот, в свою очередь, показал на Агаева. Агаев, говоривший по телефону, растерянно пожимал плечами.

«Что у них произошло?» – раздраженно подумал Славин и спросил, в надежде затянуть разговор еще на несколько секунд:

– Оружие можно взять?

– Как хотите, – явно удивился говоривший, – впрочем, вашу охрану мы гарантируем.

Больше тянуть было нельзя. Агаев, подошедший к Ордовскому, что-то быстро говорил ему. Славин зло посмотрел на них. Ему все еще не подавали сигнала о том, что группа на месте. Но и затягивать разговор так долго нельзя. На другом конце могут просто догадаться.

– Договорились, – сказал он напряженным голосом. – Я обязательно приеду. До свидания!

– До свидания, – незнакомец наконец отключился, и Славин, положив трубку, вопросительно посмотрел на своих сотрудников.

– Что происходит? – спросил он. – Милиция, как обычно, не успела? Я говорил две с половиной минуты.

– Успели, – кивнул озадаченно Агаев. – Они уже целую минуту на месте. Но там никого нет.

– Как это никого нет?! – не понял Славин.

– Они, видимо, использовали цифровое подключение, – пояснил вышедший из другой комнаты Виноградов. – Поэтому он так спокойно говорил с вами по телефону. Я обратил внимание на некоторое искажение сигнала. Вполне возможно, что телефон-автомат на улице просто был использован как сотовый телефон, они сумели подключиться к нему, как к основному аппарату, а сами в это время звонили из автомобиля, крутившегося недалеко от этого аппарата. Такие трюки иногда делают.

– В таком случае у них прекрасная техника, – недовольно заметил Ордовский.

Виноградов усмехнулся.

– А кто говорил, что нет?

– Ладно, – отмахнулся Славин, – все это уже не нужно. Мне придется ехать на эту встречу. Может, у них действительно появились какие-нибудь новые данные по взрывам в метро.

– Вы хотите поехать? – спросила Светлова.

– Конечно. Было бы непростительной глупостью упустить такой шанс. Может, у них действительно появилась какая-то новая информация.

У Светловой была короткая стрижка, она не любила носить длинные волосы. И всегда ходила в брюках. После ранения, оставившего шрам на ее левой ноге, она не любила современных платьев, хотя для своих тридцати пяти лет обладала довольно стройной фигурой. Сейчас, прислонившись к столу, она недоверчиво покачала головой.

– Это может быть опасно, Владимир Сергеевич, они могут блефовать. Может, им просто нужен заложник.

– Не думаю. В газетах и по телевидению и так развернута массовая античеченская кампания. Зачем им еще и такие неприятности с ФСБ? Нет, Инна, по-моему, они все-таки хотят сообщить мне новости. Это и в их интересах. Милиции они явно не доверяют, а в группе Воробьева слишком много сотрудников МВД. Поэтому они хотят встретиться именно со мной.

– Может, лучше я поеду? – предложил Ордовский.

– Нет! – решительно возразил Славин. – Ехать должен только я, и по возможности один. Судя по трюку с телефоном, они предусмотрят возможность моего появления там в сопровождении охраны. И сумеют наверняка оторваться от других машин. Не будем рисковать. Я поеду один.

– А если это провокация? – все-таки тревожилась Светлова.

– Тогда придумаем что-нибудь вместе, – улыбнулся Славин. – Я думаю, мне нужно ехать.

– Возьмите пуленепробиваемый жилет, – предложил Ордовский.

– Не думаю, что он может мне помочь. И потом, зачем им убивать меня столь странным способом. Скорее они могли бы это сделать еще в прошлый раз, когда их человек спрятался в моей машине. Я все-таки поеду один и без охраны.

Его помощники молчали. Они уже поняли, что Славин принял решение. Но ни один из них не подозревал, что все комнаты и телефоны их новых помещений прослушиваются совсем другими людьми. И полный текст всех разговоров уже через час был представлен человеку в сером костюме, сидевшему за большим столом в другом здании. Он внимательно прочел сообщение и поднял глаза на сидевшего рядом с ним мужчину. Внешность того вызывала непонятный ужас. У него были седые волосы и глаза стального цвета, смотревшие на собеседника не мигая, словно их обладатель решил устроить своеобразное состязание. Подбородок был скошен, а вдавленный нос только усиливал отталкивающее впечатление.

– Распорядись, – сказал хозяин кабинета, – пусть последят за этим подполковником. Нужно узнать, с кем и зачем он будет встречаться.

9

Конечно, к компьютерам ФСБ доступ для них был закрыт. Это было слишком сложно даже для такого профессионала, как Зиновий Михайлович. А вот общие показатели преступности, региональные очаги по Москве, динамику развития преступности вывести из общих данных было вполне возможно. Дронго обратил внимание на резкое снижение преступности среди чеченцев в последние несколько дней и, наоборот, быстрый рост числа задержанных именно из лиц чеченской национальности.

Это были данные из Управления внутренних дел Москвы. Они были не особенно засекречены и передавались для пользования в ФСБ и СВР по обычным каналам, хотя и под грифом «секретно». Именно поэтому Зиновию Михайловичу и удалось получить через СВР столь четкую картину происходящего.

По телевизору, сменяя друг друга, выступали кандидаты в президенты от основных оппозиционных партий. Каждый требовал решительно наказать преступников, устроивших два взрыва. Почти никто не сомневался, что виновниками этих событий были чеченцы. Было принято специальное заявление чеченской диаспоры в Москве о непричастности местных чеченцев к подобным происшествиям. Но общий маховик пропаганды, уже раскрутившийся не в пользу чеченцев, начал действовать. Лидер оппозиции, глава национал-патриотической партии, чей автомобиль пострадал во время первого взрыва, решительно требовал восстановления КГБ и принятия чрезвычайных мер по отношению к чеченцам. Другой лидер оппозиции, от объединенных левых сил, у которого по всем показателям были наибольшие шансы, говорил о неспособности властей справиться с очередной волной терроризма, обвинял нынешнего президента в безволии и отсутствии желания к наведению порядка.

Позже, в информационной программе, выступил и сам президент. Он долго говорил о вреде терроризма и об использовании оппозицией этих взрывов в своих корыстных интересах. Он так возмущался именно последним обстоятельством, словно оппозиция давала ему слово не использовать эти взрывы против него в их избирательной кампании. Президент пообещал найти виновников этих «варварских акций» и строго наказать их.

Комментаторы в один голос указывали, что взрывы резко накалили политическую обстановку и президентские выборы могут быть даже перенесены на несколько месяцев. Дронго слушал эти сообщения, понимая, что оба взрыва были не просто спланированы и осуществлены террористами. Они были совершены с учетом политической обстановки и нынешней ситуации в стране.

На следующий день Коврова принесла ему новые материалы по расследованию. Группа Воробьева по-прежнему топталась на месте, не имея никаких явных доказательств и определенных версий случившегося. Дронго, дочитав до конца эти сообщения, вернул их своему необычному связному. Женщина, как и раньше, терпеливо ждала, пока он окончит читать.

– Ничего определенного, – разочарованно сказал Дронго. – Вы могли бы и не ждать. Эту информацию можно прочитать в газетах. Я не понимаю, почему она секретная.

– В таком случае читайте все из газет, – невозмутимо ответила Коврова.

– Вот за что я не люблю женщин, – загадочно произнес Дронго, – так это за их язвительность.

– Спасибо. – Она поднялась. – У вас все?

– Почти. Скажите, что с сегодняшнего дня я постараюсь начать более активный поиск. Сидение в квартире с компьютерами Зиновия Михайловича дает не слишком обнадеживающий результат.

– Я передам, – пообещала Коврова. – Может, вам мешает и Зиновий Михайлович тоже?

– Нет, он как раз мне не мешает, – улыбнулся Дронго и неожиданно для женщины спросил: – А вы и раньше работали в разведке?

Она, собрав материалы, ничего не ответила и быстрым шагом вышла из комнаты. Дронго вернулся к Зиновию Михайловичу.

– Проверьте, не изменились телефоны группы Славина? – попросил он. – Мне нужно будет встретиться с кем-нибудь из них.

– Изменились, – сказал через некоторое время Зиновий Михайлович. – По моим данным, этих телефонов уже нет в их компьютерной сети. Обычно они держали для этих целей даже два телефона: один для факса, другой был связан с компьютерами. Оба телефона изменились.

– Интересно, – размышлял Дронго вслух, – почему они решили так быстро изменить номера своих телефонов? Обычная секретность? Не похоже. Может, про них узнал кто-то третий? Из-за нас они могли изменить свои номера?

– Не думаю, – ответил Зиновий Михайлович, – мы ведь не подключались к их компьютерам. Вы мне запрещали напрямую выходить на них. И потом, у них есть прекрасный специалист – Дима Виноградов. Я его почерк уже знаю, очень хороший профессионал, хотя и молодой человек.

– Вы правильно делали. Можете выйти на связь с Виноградовым так, чтобы он не сумел просчитать, откуда вы говорите?

– Через спутник могу. Мне разрешен доступ через сеть СВР, а у них много закодированных сигналов, о которых никто не знает.

– Даже в ФСБ?

– Даже там.

– В таком случае постарайтесь связаться с Виноградовым. Мне нужно будет поговорить с группой Славина, но так, чтобы они не поняли, кто и откуда с ними говорит.

– На это нужно часа три, – пробормотал Зиновий Михайлович. – Найдем их через закодированную систему СВР.

– Начинайте, – разрешил Дронго.

Через три с половиной часа Зиновий Михайлович наконец облегченно сказал:

– Контакт установлен.

Дронго подошел к нему.

– Передайте им, что мы знаем, почему они сменили телефонные номера.

– Так и передать? – удивился Зиновий Михайлович.

– Так и передайте, – подтвердил Дронго.

Его собеседник передал информацию и спустя некоторое время хмуро сказал Дронго:

– Они пытаются установить, откуда мы вышли с ними на связь.

– Сумеют?

– Нет. Это практически невозможно. Спрашивают, кто мы такие?

– Передайте, что друзья.

Снова заработала клавиатура.

– Они снова нас ищут, – сказал Зиновий Михайлович. – Кажется, хотят подключиться и к системе компьютеров ФСБ, чтобы нас обнаружить.

– Если они будут на верном пути, сразу отключайтесь, – посоветовал Дронго.

– Я использовал метод «рассеянного поиска», это когда сразу несколько тысяч сигналов сливаются в один и идут по одному каналу. Найти очень сложно. На это нужно несколько недель работы. Минимум две, не менее.

– Хорошо. Вы можете узнать информацию из их компьютеров?

– Нет. У них блокировка. И все замыкается на единую сеть ФСБ. А там своя контрольная аппаратура. Ничего конкретного выяснить невозможно, все будет стерто. Там такой приказ.

На другом конце рассерженный Славин говорил Виноградову:

– Каким образом им удалось войти и в наши компьютеры? Почему мы не можем обнаружить их и в этом случае?

– Какая-то новая система шифра, – бормотал лихорадочно работавший на клавиатуре Виноградов, – все кодировано. По-моему, их сигналы идут через спутник. Или через Интернет; впрочем, обе системы достаточно схожи.

– Значит, они могут говорить и не из нашей страны, – уточнил Славин.

– Откуда угодно, – подтвердил Виноградов.

– Который час? – спросил подполковник.

– Уже четыре, – ответил Ордовский, – через час у вас встреча. Может, они проверяют.

– Постарайтесь все-таки выяснить, – попросил Славин, – откуда такой непонятный интерес именно к нашей группе?

В этот момент Дронго передал сообщение: «Мы готовы встретиться».

Этим сообщением он ПРЕДЛАГАЛ встречу. А Славин и его люди решили, что он ПОДТВЕРЖДАЛ о встрече. Они были слишком заняты предстоящей встречей, чтобы поверить в подобное совпадение.

– Демонстрируют нам свое могущество, – разозлился подполковник. – Передай, что мы помним о встрече.

И изумленный Зиновий Михайлович, а вслед за ним не менее удивленный Дронго сразу прочитали в ответ, что там помнят о сегодняшней встрече. Дронго сразу понял, что произошло наложение двух событий, столь редко встречаемое и все же закономерное, когда люди сутками напролет заняты одной и той же проблемой и не могут просто подумать ни о чем другом.

– Дайте сигнал на принятие их информации и отключайтесь, – быстро приказал Дронго, а когда Зиновий Михайлович все сделал, посмотрел на часы. Было уже десять минут пятого.

Дронго бросился к телефону, набирая номер Ковровой. Она сразу взяла трубку.

– Мне нужна машина, – попросил Дронго, – и очень срочно. Желательно даже два автомобиля с сотрудниками СВР.

– Как срочно они вам нужны? – невозмутимым голосом спросила Коврова.

– Через пять минут, – нагло ответил Дронго, – а если можно, еще быстрее.

– Я узнаю, – кажется, ничто не могло удивить эту женщину.

Спустя ровно минуту она перезвонила:

– Через двадцать минут две машины будут у вашего дома.

– Это поздно, – пробормотал Дронго.

– Вы же не думали, что они прилетят на вертолетах, – не удержалась от сарказма Коврова.

– Нет. Но я просто считал, что ваши люди наблюдают за нашей квартирой, – в таком же тоне ответил Дронго и положил трубку. Потом посмотрел на часы. Было уже пятнадцать минут пятого. Нужно сделать все, чтобы успеть на эту встречу. Вполне вероятно, что она состоится ровно в пять часов дня. Это было бы наиболее логичное решение. С одной стороны – это еще рабочий день, с другой – это уже окончание дня, когда масса людей начинает заполнять улицы и станции метро. На это время лучше всего назначать встречи, если вы хотите уйти незамеченным от любого преследования.

– Повезло вам, – противным голосом заметил Зиновий Михайлович, словно огорчившийся за такое случайное наложение двух информации.

– Пока не очень, – спокойно возразил Дронго. – Вот если вечером я вернусь хоть с какой-то информацией, тогда, пожалуй, соглашусь с вами. Было бы гораздо полезнее, если бы вы смогли узнать об этом, не прибегая к столь опасным переговорам.

– С кем это они должны встречаться? – спросил Зиновий Михайлович.

– С кем угодно, – сказал Дронго, – но это уже лучше, чем ничего. Думаю, у них сегодня будет очень важная встреча. И я не уверен, что буду на ней желанным гостем.

Часть II ПОБЕГ

Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды.

И, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему.

Они, выслушавши царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец.

Увидевши же звезду, они возрадовались радостью весьма великою.

И вошедши в дом, увидели Младенца с Мариєю, Матерью Его, и падиши поклонились Ему; и, открывши сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну.

И, получивши во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою.

Когда же они отошли, – се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его.

Святое Благовествование от Матфея
Глава 2, 7—13

10

Ровно за двадцать минут до назначенной встречи Славин вышел из здания. Ехать было недалеко, к Киевскому вокзалу, но он боялся опоздать и решил подстраховаться. Именно в этот момент у их стоянки остановились две машины СВР, в одной из которых сидел Дронго.

– Появился Славин, – сказал ему сотрудник СВР, сидевший за рулем. Подполковник огляделся, сел в свою машину и через несколько секунд выехал со стоянки.

– Давайте за ним, – предложил Дронго. – Вторая машина пусть идет немного впереди.

Во второй машине сидело еще двое сотрудников. Оба автомобиля выехали за машиной Славина.

– Держитесь немного ближе, – попросил Дронго своего водителя, – мы можем его потерять.

– Вряд ли, – хладнокровно возразил сидевший за рулем офицер СВР, – здесь только одна дорога. Он едет в сторону Белорусского вокзала.

– Все-таки будьте внимательны, чтобы не упустить, – посоветовал Дронго.

Машина Славина шла спокойно, видимо, подполковник и не собирался отрываться. В одном месте, у светофора, она свернула направо, и сразу несколько машин свернули за ней.

– Черт возьми! – зло пробормотал сидевший за рулем сотрудник разведки.

– Что случилось? – спросил Дронго.

– Кажется, мы не одни. Впереди идет «Волга». И вот этот джип рядом с нами. Они меняются местами. Сейчас попрошу нашу вторую машину проследить за ними.

Он поднял микрофон.

– Они не могут вас услышать? – спросил Дронго.

– Нет, – улыбнулся разведчик, – у нас техника неплохая. Пятый, Пятый, я Третий. Посмотрите за машиной «Волга ГАЗ-31» кремового цвета, – он назвал номер, – и джип «Чероки» цвета металлик, – он еще раз сказал номер. – Кажется, они ведут нашего клиента.

– Не только они, Третий, – услышал он в ответ. – Мы уже обратили внимание на их рваный ритм. Третья машина – «Хонда» белого цвета. Они все ведут нашего клиента. И он об этом, кажется, не догадывается.

– Все ясно, спасибо, Пятый. Постарайтесь не обращать на себя внимания, – сказал сидевший рядом с Дронго офицер разведки и, глядя перед собой, спросил: – Это не могут быть сотрудники ФСБ?

– Почему вы так решили?

– Слишком плотно его ведут. Так обычно работает контрразведка. У нас ребята стараются не особенно высовываться.

– Очень может быть, – пробормотал Дронго. – В любом случае не надо, чтобы они видели и нас.

– Он сворачивает в сторону Арбата, – сказал напарник Дронго. – Где у него будет встреча, вы не знаете?

– Конечно, нет, иначе зачем я сижу в вашей машине? – пожал плечами Дронго. – Может, он заметил наблюдение и сейчас просто дурачит нас всех?

– Нет, он едет довольно спокойно. Не смотрит по сторонам. Держится во втором ряду. Если бы хотел оторваться, ехал бы в крайнем ряду слева.

Автомобили продолжали двигаться, растянувшись на целую колонну. Машина, в которой сидел Дронго, немного отстала.

– Пятый, я – Третий, – сказал сидевший за рулем, – куда он направляется? – В сторону Киевского вокзала. Может, встреча будет там?

– Как ведут себя его «друзья»?

– Они рядом. Все время меняются, но идут на близкой дистанции.

Автомобиль Славина теперь уверенно двигался в сторону Киевского вокзала. Дронго посмотрел на часы. Было без трех минут пять. Сомнений уже не оставалось. Если встреча состоится, то она произойдет обязательно в районе Киевского вокзала. Машина Славина подъехала к вокзалу и остановилась у входа в метро. Подполковник вышел.

Подъехавшие машины преследователей рассредоточились по площади, и сидевшие в них наблюдатели не спешили выходить, словно зная, что подполковник обязательно вернется к своему автомобилю. Обе машины СВР остановились также в разных точках, центром пересечения которых был автомобиль Славина.

– Что будем делать? – спросил, доставая сигареты и закуривая, офицер СВР. Он протянул пачку Дронго, тот отрицательно покачал головой.

– Сидеть и ждать. Найти мы его в этой толпе все равно не сможем. А если найдем, то обязательно потеряем. Вы же видите, из этих трех машин тоже никто не вышел. Еще раз назовите мне их номера, я постараюсь проверить, кому они принадлежат.

Сотрудник СВР назвал по памяти два номера машин и снова поднял микрофон:

– Пятый, я – Третий. Какой номер у «Хонды»? Назовите еще раз.

В ответ ему назвали номер и спросили, что делать дальше.

– Сидите и ждите, – приказал напарник Дронго. Потом отключился и взглянул на соседа с каким-то любопытством, смешанным с удивлением. – Можно один вопрос?

– Конечно.

– Вы действительно тот самый Дронго?

– Нет, но я с ним работаю, – хладнокровно ответил Дронго.

– Понятно, – кивнул офицер СВР. – Я много слышал об этом Дронго. Но мне казалось всегда, что это неправда. Такого человека просто не может быть. А потом я познакомился с

одним документом, в котором фигурировал этот самый Дронго. Он был в прошлом году в командировке в Америке, тогда проводилась какая-то операция по наиболее крупным «авторитетам» нашей мафии. И он там работал. Неужели действительно вы его видели?

– Да. Видел, – неохотно ответил Дронго. – По-моему, вы излишне впечатлительны.

– Может быть, – усмехнулся офицер СВР, – но я сразу понял, что вы работаете на него. Вы слишком колоритны для настоящего разведчика, слишком выделяетесь. У вас необычная походка, большой рост, крупная фигура, запоминающиеся черты лица. Он, наверное, использует вас в качестве связного.

– Иногда. По-моему, кто-то подошел к автомобилю подполковника, – показал Дронго на машину Славина.

– Да, – кивнул его напарник и достал микрофон. – Пятый, проверьте, что там происходит с машиной «клиента». Только осторожно.

Из второго автомобиля вышел молодой человек и неторопливо зашагал в сторону машины Славина, около которой сутился незнакомец. Подошел ближе, сделал круг. Мимо во все стороны спешили прохожие. Сотрудник СВР подошел еще ближе, прошел совсем рядом. Затем вернулся к своему автомобилю. И доложил:

– Третий, я – Пятый! По-моему, этот тип устанавливает в машине «клиента» изящную вещицу, позволяющую слушать красивые песни.

– Ясно, – сказал напарник Дронго. – Они установили подслушивающее устройство, – пояснил он, добавив: – Это могут быть и не сотрудники Славина или его коллеги.

– Тогда кто они? – спросил Дронго и, помедлив, добавил: – Сделаем так: когда Славин вернется, мы поедем за ним, а вторая машина пусть поведет кого-то из этих друзей. Лучше джип. Он более запоминающийся, и его легко вести по московским улицам. Ясно?

– Я сейчас передам, – согласно кивнул офицер СВР, снова поднимая микрофон.

Дронго, уже не слушая его переговоры, следил за площадью. То, что у подполковника здесь было назначено важное свидание, сомнений теперь не вызывало. Интересным был и тот факт, что за ним следили профессионалы, явно старавшиеся не показываться на глаза самому подполковнику. Значит, из этого можно было сделать два вывода. Либо эти люди действуют вопреки указаниям самого подполковника и тех, с кем он должен был сегодня здесь встретиться. Либо подполковник сам приказал сделать это таким образом, чтобы пришедшие с ним на встречу люди не могли заметить подобного наблюдения.

Продумав оба варианта, Дронго отверг второй. В таком случае в машине подполковника неизвестные не стали бы устанавливать подслушивающей системы. Из этого следовало, что подполковник ничего не знает о подобных играх, иначе аппаратуру установили бы сразу на стоянке, не став так рисковать у вокзала.

Оставался первый вариант. Подполковник ехал на встречу убежденный, что с ним никого не будет. Более того, получалось так, что он начал вести переговоры с какими-то неведомыми людьми или группой людей и не хотел, чтобы при его встрече кто-то присутствовал. Каким-то образом этим ловким ребятам, что сидели сейчас в трех машинах, удалось узнать, когда и с кем встречается Славин. И поэтому... Дронго закрыл от напряжения глаза... Все верно. Поэтому они так и рискуют. Они заранее знали, куда именно поедет машина Славина. Они не столько наблюдали за ним, сколько сопровождали его. Ведь джип и «Хонда» часто выезжали вперед, то есть ехали именно в том направлении, куда следовал Славин. Только в этом варианте они могли заранее подготовить своих людей на площади и так спокойно прореагировать на исчезновение Славина. Они его по-прежнему вели, заранее ожидая на площади. А приехавшие с подполковником профессионалы спокойно устанавливали свою аппаратуру. Все сходилось, все было правильно.

В таком случае пассивное ожидание самого Дронго и офицеров СВР было непростительной ошибкой. Он решил, что преследователи потеряли Славина, и не стал настаивать на поиске

подполковника, видя перед собой все три приехавшие машины. А их на площади было значительно больше. И пока он ждал в своем автомобиле, неизвестные «проводжали» Славина до места встречи. «Ах, как все это непрофессионально, – с досадой подумал Дронго. – Я обязан был предвидеть и такую вероятность. Но счастливая случайность с компьютером меня несколько успокоила, подействовала расслабляюще. Мне показалось, что и дальше будет такое же глупое везение». И, словно в подтверждение его мыслей, сидевший рядом напарник недоуменно сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.